

№ 46. Томъ II. На годъ, съ доставкою и пересылкою—7 руб.; на полгода — 4 руб.; на 3 мѣсяц. — 2 руб. Отдѣльн. №№ по 20 к. С.-Петербургъ, 17 Ноября 1879 года. Адресъ конторы редакціи: С.-П.-бургъ, Новая улица, домъ № 6. Годъ VII.

Желаніе.

Стих. К. Игнатовича.

Ахъ, туда-бы вольной птицей
Полетѣлъ я, какъ стрѣла,
Гдѣ кургановъ вереницей
Степь, какъ травкой, поросла;
Гдѣ степной ковыль бѣлѣетъ
Ровной снѣжной полосой;
Гдѣ могучій беркутъ рѣетъ
Надъ равниною пустой;
Гдѣ испуганный несется,
Шибче вѣтра, конь степной;
Гдѣ легко, свободно бьется
Сердце въ груди молодой!

Зима.

Стих. К. Игнатовича.

Зимы холодной саванъ бѣлый
Покрылъ и долъ, и лѣсъ;
Закрыто солнце тучей сѣрой,
Не смотрится съ небесъ.

Въ деревнѣ кончены работы:
Засѣяна земля.
Какъ много стоили заботы
Вы, бѣлыя поля!

Дай, Боже, чтобы снѣгъ глубокій
Всю землю покрывалъ.
Дай, Боже, чтобъ стѣной высокой
На лѣто хлѣбъ стоялъ!

Баской.

Этнографическій романъ Л. Симонова.

(*Продолженіе.*)

Глава III.

Уныло торчатъ изъ снѣга избы Каменки, протянувшись въ два ряда по бокамъ дороги. Не смотря на свои толстые срубы и тесовыя крыши бѣдно выглядитъ деревня. Многія изъ избъ покосились и требуютъ основательной починки; иныя, выведенныя безъ трубъ съ дымовыми отверстіями надъ окнами отъ насѣвшей на нихъ копоти, кажутся полуобгорѣлыми; другія же съ окнами затянутыми коровьимъ пузыремъ кажутся жалкими слѣпцами. И все это на бѣломъ фонѣ снѣга выглядитъ еще безотраднѣе, унылѣе, чѣмъ въ другія времена года. Каждая изба, затонувшая въ снѣгу по самыя окна съ крыльцемъ и плетнемъ, буквально исчезнувшими въ снѣгу, смотритъ сама по себѣ сиротливо. Сиротливо же смотритъ и вся деревня среди мертвой окрестности, въ тридцати-верстномъ разстояніи отъ другой, такой-же унылой, чахлой, сонной деревни.

Крайняя изба довольно просторная съ дымовой трубою, съ однимъ квадратомъ въ окнѣ, заклееннымъ, вмѣсто лопнувшаго отъ мороза стекла, синею сахарною бумагою, была поставлена неправильно и, точно сердясь, отвернулась отъ своихъ сосѣдовъ. Старый Перфилъ—обладатель избы, подгулявъ порядочно во время помочи, лѣтъ восемь тому назадъ, когда всею деревнею ставилась изба, потребовалъ именно такого ея положенія для того, чтобы лѣсъ да дорога изъ оконъ виднѣлись; «такъ мнѣ нужно», толковалъ онъ тогда. Ни доводы его жены—тетушки Марфы, которая въ тотъ день получила даже порядочную выволочку отъ мужа за свои старанія образумить хозяина, ни споры и совѣты сосѣдей не могли убѣдить Перфила. Обыкновенно мягкій и добрый—упрямый только во хмѣлю, онъ и на этотъ разъ поставилъ на своемъ. Изба презрительно отвернулась отъ сосѣдей и уставилась окнами въ лѣсную опушку. Потомъ, протрезвившись, Перфилъ нѣсколько дней ходилъ съ поникшею головою и, пожимая плечами, самъ себѣ удивлялся, для чего это ему пьяному въ голову пришло такъ «несуразо» избу поставить, не въ рядъ съ сосѣдями, а совсѣмъ нàкриво? и на насмѣшки и задиранія пріятелей только хмурилъ брови да отмахивался рукой. Изба становилась осенью, а зимой Перфилу пришлось и очень серьезно попенять на себя, когда пріѣхавшее по какимъ-то дѣламъ въ ихъ деревню начальство, замѣтя неправильность постройки, потребовало немедленной сломки избы и постановки ея въ одну общую линію съ другими постройками, какъ того требовалъ планъ. Стояли тогда тридцатиградусные морозы, ни ломать, ни ставить избы не было возможности, и, смилостивившись къ безвыходному положенію Перфила, ему сказали:

— Ну ужь, что съ тобой дѣлать, смотри ты изъ своей избы на дорогу и лѣсъ, чортъ тебя подери, поэтъ какой! ха, ха!..

Тѣмъ дѣло и кончилось. Крестьяне, поймавъ слово «поэтъ», перевернули его на слово «поётъ» и отсюда прозвали сосѣда «Перфильемъ пѣсельникомъ». Названіе это казалось имъ тѣмъ болѣе забавнымъ, что никто никогда не слыхалъ отъ дяди Перфила ни одной пѣсни. Впослѣдствіи, впрочемъ, сосѣди оставили это прозвище, изрѣдка лишь вспоминая о немъ, и не только присмотрѣлись и стали равнодушны къ «нàкриво» поставленой избѣ, а еще и пришли къ заключенію, что оно такъ тому и быть надлежало, что равно бы въ деревнѣ было что-то не ладное; если бы изба Перфила стояла въ одну линію съ другими избами. Не разу не вспоминала этой исторіи, не высказывала ни одного упрека мужу послѣ встрепки, полученной на помочѣ, и старая Марфа, только дочка Перфила, теперь восемнадцатилѣтняя Фекла, не оставляла тятьку въ покоѣ. Ей было десять лѣтъ, когда изба ставилась и картина постройки ясно запечатлѣлась въ ея дѣтской памяти. И споры сосѣдей, и встрепка, полученная матерью, и исторія съ начальствомъ, даже прозвище отца «пѣсельникомъ», возбуждало въ ней смѣшливое настроеніе духа, когда доводилось вспоминать что-нибудь изъ этого прошлаго. Но на Феклу тятька не сердился, ей все прощалось. Фекла была вымоленное у Бога дѣтище. Пять пареньковъ до нея помирали одинъ за другимъ, не доживая и до году. Фекла же остановилась и божьею милостью вымахала и ростомъ и силою съ добраго мужика. Встрѣтивъ съ грустью рожденіе дочери, а не парня, Перфилъ вскорѣ всею душею привязался къ единственному ребенку и за неимѣніемъ пареньковъ позволялъ дѣвченкѣ бѣжать по своимъ слѣдамъ всюду, куда самъ шелъ. Мало-по-малу ни одна работа отца не обходилась сначала безъ присутствія, а потомъ безъ помощи Феклы. Восемь лѣтъ было дѣвочкѣ, когда она въ первый разъ при двадцати-градусномъ морозѣ съѣздила форейторомъ до слѣдующей станціи на тридцать вертъ разстоянія, чѣмъ и возбудила удивленіе сосѣдей и зависть сверстницъ. Теперь Фекла и пашетъ, и рубитъ дрова, и правитъ тройкой, и ходитъ за бѣлками; теперь каждое слово Феклы въ домѣ—законъ. Она же и служитъ идеаломъ, къ которому стремится семилѣтній хорошенькій братишка ея, прозванный отцомъ и матерью «поскребышкомъ».

«Перфильевой избѣ очередь вести перваго гостя сегодня, имъ же доводится и обозъ принимать», рѣшили сосѣди въ то утро, когда полѣсовщикъ Сидоръ вмѣстѣ съ прохожимъ вышелъ изъ своей избы и, указавъ гостю дорогу на «Каменку», самъ отправился къ «Вагуличьей горѣ» на медвѣжью охоту. Фекла и безъ рѣшенія сосѣдей отлично знала свою очередь и строго слѣдила затѣмъ, чтобы не вышло какого-нибудь недоразумѣнія, т. е. чтобы сосѣди не позабыли какънибудь ихъ избы, не обошли ея. Съ утра еще она распахнула настежъ ворота, съ утра истопила печи въ обѣихъ половинахъ избы, причемъ въ чистой обмахнула столы и лавки и у порога бросила рогожу, приготовивъ, такимъ образомъ, пріемную для проѣзжающихъ купцовъ или гос-

подъ. Стряпущая же половина осталась въ томъ видѣ, какой она имѣла ежедневно. Полъ въ этой половинѣ былъ до того заросшій слипшеюся грязью, что его можно бы было принять за земляной. Это происходило, впрочемъ, не отъ неряшества или лѣни Феклы, а потому что ей былъ извѣстенъ въ этомъ случаѣ только единственный обычай: къ праздникамъ Рождества и Пасхи скаблить полъ стряпущей избы и только время отъ времени мыть одну чистую половину. Въ углу за печью на охапкѣ соломы лежалъ новорожденный теленокъ, взятый сюда по случаю мороза; но той же причинѣ два поросенка, визгливо хрюкая, носились по избѣ, то подбирая надавшія на полъ крошки, то подбѣгая къ своему опустѣвшему корытцу, то цѣпляясь зубами за подолъ Феклинаго синяго изгребнаго дубаса. На стѣнѣ у двери висѣла конская сбруя, въ углу мѣховая одежда семьи, у печи на лавкѣ въ безпорядкѣ виднѣлись горшки, корытца, жбаны. Въ избѣ пахло горошницей, снѣтковыми щами, жаренными ржаными аладьями; на столѣ лежалъ громадный сочень, долженствующій вмѣстить въ себя нѣсколько соленыхъ сижковъ, не чищеныхъ и не разрѣзанныхъ. Эта половина предназначалась для пріема обозныхъ, требующихъ обыкновенно сытнаго, плотнаго обѣда.

Много было хлопотъ въ то утро Феклѣ. Помогая матери въ стряпнѣ, дѣвушка въ тоже время убрала скотину, обративъ особенное вниманіе на двухъ лошадей, которымъ, кромѣ обыкновенной порціи сѣна, былъ данъ и овесъ; бросила овса курамъ. Дѣвушка часто перебѣгала изъ кухни на скотный дворъ и обратно. Обледенѣлая дверь избы то и дѣло отворялась, пропуская внутрь струю холоднаго воздуха, клубами врывающагося въ избу. Наконецъ, Фекла нѣсколько успокоилась и остановилась у окна, расчесывая длинную косу. Въ избѣ сталъ распространяться отвратительный запахъ пирога съ соленымъ сигомъ, не запахъ, а ужасная, смрадная вонь тухлымъ разлагающимся, вонь, отъ которой свѣжій человѣкъ, не привыкшій къ лакомому блюду пермяковъ, тотчасъ же кинулся бы изъ избы, зажимая носъ.

— Ну и у меня все готово, проговорила мать и сѣла на лавку, вскользь взглянувъ на статную фигуру дочери. Обѣ онѣ прислушивались, не завизжатъ-ли полозья, не послышится-ли издали звукъ колокольчика. Вслѣдствіе пропорціональнаго сложенія корпуса, высокій ростъ Феклы не бросался въ глаза, не отдѣлялся отъ ансамбля, а напротивъ, вся ея фигура вызывала пріятное удивленіе. Всякій, кто взглядывалъ на дѣвушку, невольно произносилъ: «экая здоровая натура!» или «экая добрая дѣвка!»

Круглое лицо Феклы съ нѣсколько большимъ ртомъ, лицо загорѣлое, огрубѣлое отъ печного жара и мороза, не было особенно красиво, но въ сѣрыхъ глазахъ свѣтились добродушіе и энергія и это выраженіе, вмѣстѣ съ длинною, густою косою, привлекало къ ней толпу поклонниковъ. Заплетя косу, Фекла заглянула въ стекло — не видать-ли на улицѣ братишки, но видѣть что-либо было трудно: всѣ стекла были разрисованы фантастическими узорами зимушки-матушки. Отъ жарко-натопленной печи съ внутренней стороны ледъ таялъ, паръ струился отъ оконъ, на подоконникахъ стояли лужи. Въ сѣняхъ послышались торопливые дѣтскіе шаги, то и дѣло примерзающая дверь съ трудомъ отворилась и въ кухню влетѣлъ младшій членъ семьи семилѣтній Ванюха. Красное изсиня лицо, побѣлѣвшій носъ, двѣ ледяныя сосульки подъ носомъ заставили расхохотаться Феклу.

— Что, шельмецъ, студено? произнесла она ласковымъ голосомъ.—Бѣги къ печи грѣться.

— Больно студено! произнесъ мальчишка шепотомъ, но къ печи не пошелъ, а вытащилъ красными ручонками изъ-за пазухи надѣтаго на немъ сестрнинаго полушубка замерзшую сороку, швырнулъ ее на печь, потеръ лицо, потопталея на мѣстѣ и снова выбѣжалъ, волоча за собою подолъ въ видѣ дамскаго шлейфа. Черезъ десять минутъ мальчишка снова вернулся.

— Натко-сь тебѣ! произнесъ онъ, взглянувъ на сестру, и выпустилъ изъ рукъ на полъ полуживую молодку и еле-двигающагося пѣтуха съ отмороженнымъ гребнемъ.—Кормъ-то не доѣденъ, рапортовалъ онъ,—и овесъ, и крошки, всё къ пазьму примерзло, не отколупнуть и ногтемъ, а вода въ горшкѣ до верху промерзла и горшокъ лопнулъ, больно студено!

— Эка напасть, хошь всѣхъ въ избу собирай! произнесла Фекла и стремительно кинулась къ двери.

— Коровушку то доглядай, какъ бы съ новотелу вымячко не позпобила! крикнула ей вслѣдъ мать.

— И то! Тряпицей обвязать, нѣшто?

Фекла вернулась, схватила какую-то тряпицу и, ничего на себя не накинувъ, выбѣжала.

Черезъ нѣсколько минутъ скрипъ ступеней послышался подъ ея мощными, быстрыми шагами, дверь сильно хлопнулась и улыбающаяся фигура Феклы очутилась у печи. Дѣвушка повернулась спиною къ устью, загнула подолъ дубаса на плечи, наклонившись нѣсколько впередъ, и въ такомъ положеніи осталась отогрѣваться.

— Смѣхи! проговорила она весело, — свинья забилась въ солому да наземь, къ ней привалились овечки; лошади вплотную бокъ-о-бокъ сдвинулись, а куры къ нимъ на спины присѣли, сѣрко-то и спиной пошевеливаетъ и хвостомъ отъ нихъ, а онѣ ничего, знай крыльями помахиваютъ, — имъ лишь бы удержаться. Отъ лошадокъ паръ валитъ, ровно съ гоньбы прибѣжали, а мамку едва повязала, не дается да и на поди, хошь что хошь!..

Послышался чуть слышный звукъ колокольчика. Обѣ женщины встрепенулись.

— Побѣгу на дорогу зазывать! вскрикнулъ весело Ванюшка и исчезъ за дверью.

А чуть дрогнувшій колокольчикъ слышался яснѣе и яснѣе; вскорѣ къ нему присоединился визгъ полозьевъ, топотъ конскихъ копытъ, фырканье, ямщичьи возгласы и затѣмъ легкая рогожная повозка, прошмыгнувъ мимо оконъ, круто заворотила во дворъ. Фекла съ крыльца видѣла, какъ, вслѣдствіе крутого поворота, повозка шарахнулась въ бокъ, со стукомъ ударилась о столбъ, покачнулась и чуть не вывалила сѣдока. Дѣвушка насмѣшливо взглянула на ямщика и перекинулась съ нимъ нѣсколькими колкими фразами.

Старая Марфа не теряла времени. Заранѣе налитый водою громадный самоваръ наполнился горячими углями, на подносъ устанавливалась чайная посуда. Въ чистой избѣ Фекла стаскивала съ проѣзжаго тяжелую лисью шубу.

— Самоваръ! и что въ печи — все на столъ мечи! скомандовалъ онъ, отдирая ледяныя сосульки съ усовъ и бороды.

Поднялась страшная суматоха и бѣготня изъ одной половины въ другую.

На чистой половинѣ разводился таганъ для варки замороженныхъ пильменей, на стряпучей Марфа громыхала горшками да латками. Всѣ члены семьи суетились около проѣзжаго, всякій что-нибудь подавалъ или принималъ, а дядя Перфилъ, появившійся на сцену съ полатей, гдѣ онъ отлеживался передъ хлопотами, былъ уже на дворѣ. Попробовавъ тяжесть повозки и убѣдившись, что она была легка какъ пухъ, онъ весело вывелъ двухъ кóней и готовился впрягать.

Въ это время, въ самый разгаръ угощенія проѣзжаго, ухаживанія за нимъ, во дворъ Перфила, визжа полозьями и по слѣдамъ повозки раскатываясь и стукаясь въ воротахъ о тоже самое бревно, въѣхали одинъ за другимъ двадцать возовъ, нагруженныхъ бочками сахара.

На одномъ изъ возовъ лежало какое-то неподвижное тѣло, прикрытое рогожкой. Двое изъ обозныхъ сдернули рогожку, схватили мужскую рослую фигуру за плечи и за ноги и внесли ее на стряпучую половину съ словами:

— Вотъ вамъ гостинчикъ, куда хотите, туда и дѣвайте, наше дѣло было поднять еще живого человѣка, а ужь вы какъ себѣ хотите, такъ и возжайтесь. Не везти же намъ его съ собою и опять не оставлять же его и середи дороги замерзать!

— Матушки-свѣты, не нажить бы намъ бѣды съ нимъ, всполошилась Марфа, — куда хотите, туда и дѣвайте, убирайте, убирайте назадъ. Неравно помретъ—бѣда... съ начальствомъ не раздѣлаешся.

— Пошто къ намъ-то везти? везли бы въ волость, тамъ это дѣло-то и разобрали бы, а то... и взабыль не ладно... проговорилъ Перфилъ.

Обозные положили тѣло на лавку и остановились въ нерѣшительности, почесывая затылки.

— Охъ, бѣдненькій! вставила свое слово Фекла, появившаяся съ чистой половины, — да и какой бáской. Живъ-ли? спросила она обозныхъ и, не дожидаясь отвѣта, сама ощупала голову и руки лежащаго.—Ой, да живъ! Голова только ровно печь, а руки, что ледъ. Экъ бѣдненькій! Откуль взяли-то? обратилась она къ обознымъ.

— Говорятъ же, на дорогѣ подняли, изъ снѣгу вытащили, не оставлять же его было замерзать.

— Вѣстимо! пусть отлеживается, волоките его, сердешные, на печь, пусть отойдетъ, рѣшила Фекла.—Эка напасть на него стряслась, добавила она топомъ крайняго сожалѣнія.

Когда человѣка, находящагося въ безпамятствѣ, приподняли, чтобы втащить по указанію Феклы на печь, какая-то бумага, торчащая изъ кармана его полушубка, выпала на полъ. Ее подняли и развернули. Бумага оказалась съ печатью, но никто изъ присутствующихъ — ни обозные, ни вся семья хозяевъ избы не могли прочитать ее даже по складамъ—всѣ оказались безграмотными.

— Поди, пачпортъ! догадалась Фекла и кинулась на чистую половину. Выпавшая бумага подала поводъ обыскать полузамерзшаго. Бумагъ болѣе не было найдено, а денегъ оказалось нѣсколько мѣдныхъ грошей.

— Охъ не ладно, не ладно! шепталъ въ раздумьи Перфилъ.

— Пачпортъ и есть! крикнула Фекла, торжественно появляясь съ развернутой бумагой.— Вишь, Павломъ зовутъ, хрестьянинъ полтавскій, обществомъ уволенъ... поясняла она.

— Обществомъ уволенъ, такъ не ладный... прошепталъ снова Перфилъ.

— Такъ намъ-то што? сказала Фекла отцу и уставилась упрекающими глазами въ его глаза.

— Ну да и вирямь! Благо пачпортъ есть.

— Ну ужь и безъ пачпорта не дала бы я ни за что полуживаго человѣка изъ избы выбросить.

— А какъ умретъ?.. начальство...

— Головы не снимутъ, чай самъ знаешь!.. проговорила она многозначительно и, вдругъ расхохотавшись, добавила:—изба-то твоя, тятька, кажись того... не совсѣмъ въ порядкѣ стоитъ... будто бы маленько нáкриво, неладно...

Перфилъ улыбнулся и весело махнулъ рукой.

— А ну-тя къ лѣшему, будь ты проклятая, дѣлай, какъ знаешь... съ тобой не сговоришь, заключилъ онъ ласково и направился къ столу, гдѣ обозные уже принялись за обѣдъ.

Щи, горошница, кисель овсяный, ржаные аладьи, жаренная картофель слѣдовали въ чинномъ порядкѣ одно за другимъ. Хозяйка только призадумалась, которое изъ двухъ лакомыхъ блюдъ оставить напослѣдокъ: ржаные пельмени съ рѣдечкой или ржаной-же пирожекъ съ тух-

лымъ соленымъ снжкомъ. И то, и другое были на-столько праздничныя блюда, что колебаться было изъ-за чего.

— Вѣстимо, пирогъ напослѣдокъ, рѣшилъ Перфилъ, когда она обратилась къ нему за совѣтомъ.

— Милости просимъ, хозяинъ, пирожка съ нами отвѣдать, пригласили обозные Перфила, замѣтивъ, какъ у него слюнки потекли и глаза остановились при появленіи на столѣ вонючаго-развонючаго пирога. Пирогъ этотъ темно-коричневаго цвѣта занялъ длиною почти весь кухонный столъ. Онъ былъ продолговатой формы съ двумя острыми концами, изъ которыхъ для красоты и возбужденія апетита были выставлены: съ одного угла голова, съ другого хвостъ покраснѣвшей рыбы, обдавшей смрадомъ всю избу. Острымъ ножемъ хозяйка апетитно обвела кругомъ всего пирога, сняла верхнюю часть сочня, какъ крышку, разломила ее на части по числу сидящихъ кругомъ стола гостей и приглашеннаго хозяина и торжественно вручила каждому по части. Передъ обозными, давно распоясавшимися, давно рыгающими и икающими, красовалась теперь нижняя часть сочня, на которой, какъ на подносѣ, чинно лежали одинъ подлѣ другого средней величины, краснаго цвѣта снжки, плавая въ собственномъ вонючемъ разсолѣ. Вооруженные, кто вилкой, кто щепкой, кто собственными пальцами, обозные потянулись къ сочню, отламывали и отрывали части разопрѣвшей рыбы и закусывали ея находившимся въ рукѣ кускомъ верхняго сочня. А между тѣмъ Фекла, кончивъ угощеніе проѣзжаго на чистой половинѣ, положила паспортъ Баскова на божницу за икону, надѣла длинный тулупъ, натянула черезъ голову неимѣющій разрѣза савикъ, опоясалась веревкой и заткнувъ за поясъ длинный кнутъ, достающій передпихъ лошадей, остановилась передъ иконой помолиться. Теперь, когда толщиною одежды ея женскія формы были совершенно скрыты и въ верхнемъ кругломъ отверстіи савика виднѣлось только лицо, до половины обмотанное тряпкой, ее всякій бы назвалъ парнемъ. Пристально поглядѣлъ въ глаза Феклы ея сѣдокъ и расхохотался.

— Этакому ямщику, коли хорошо предоставитъ, три рубля на чай, понимаешь коли хорошо, а то вчера меня тоже баба везла, да плохо, больше полтины нельзя было дать. Вѣдь и васъ тоже баловать не для чего, сперва заслужи, вотъ что! проговорилъ онъ, трепля ее по плечу.

— Ладно, ужь садись, да держись крѣпче, кони добрые, тридцать верстъ въ два съ половиной часа отмахаю и не разу не вывалю, произнесла Фекла увѣренно.

Она молодецки вспрыгнула на козла, наклонившись нѣсколько впередъ, и съ крикомъ «айда» взмахнула кнутомъ. Колокольчикъ испуганно звякнулъ, повозка подпрыгнула, выскользнула со двора, мелькнула по улицѣ и скрылась изъ глазъ деревни въ корытцѣ за лѣсомъ.

— Не дѣвка, а золото! произносили попавшіе на встрѣчу сосѣди и съ уваженіемъ дотрогивались до шапокъ.

— Загонишь лошадей-то! крикнулъ своему ямщику со смѣхомъ проѣзжій.

— Нельзя иначе! отвѣтила Фекла въ полуоборотъ.—Надыть ихъ наперво въ потъ вогнать, тамъ шашкомъ поѣду, покуль потъ въ себя вберутъ, а какъ вберутъ, такъ и валяй опять, какъ знаешь, до самой станціи, никакого лиха конямъ ужь и не сбудется.

— Молодецъ! полтина накидки!

— Больно тароватъ! Не на словахъ-ли только, засмѣялась Фекла, взмахнула кнутомъ и благополучно миновала страшный раскатъ въ сторону.

— А что, тетка, неужто сладенькаго-то у тя на закуску ничего нѣтъ, проговорилъ одинъ изъ обозныхъ, отодвигая опустѣвшую нижнюю корку пирога, оставляемую обыкновенно хозяевамъ.

— Какъ не быть. Припасла и сладенькое, неужто не вѣдаю вашего обычая, чать тоже знаю, что обозные денегъ не жалѣютъ, любятъ пообѣдать вплотную, что-де они сахарнымъ кускомъ сыты бываютъ.

И на столѣ появились двѣ деревянныя чашки, одна съ мерзлою клюквой, другая съ медомъ, разведеннымъ кипѣлой водой.

Гости принялись уписывать клюкву, запивая ее сытой. Черезъ пять минутъ, однако, клюква была отодвинута.

— Ишь-ты оказія! Не съѣсть! проговорилъ старшій изъ обозныхъ.—Ишь хозяйка,—пенялъ онъ Марфѣ—самоварчикъ-то у тя занятъ былъ, животиковъ мы передъ ѣдой не пораспарили, вотъ оно и не ладно, и не доѣсть клюквы-то!

— Ну, да ужь дѣлать нечего, подхватилъ другой, рыгая и крестя ротъ,—хоть и не всю ягоду съѣли, а заплатимъ какъ есть за полный обѣдъ, тоже она вонъ какъ старалась.

— Вѣстимо! согласились всѣ.

Черезъ какія-нибудь четверть часа, когда Перфилъ подбавилъ сѣнца лошадямъ обозныхъ и готовился водить ихъ парами на водопой, всѣ лавки стряпучей избы были заняты расположившимися на часовой отдыхъ гостями. И храпъ, и свистъ, и сапъ, оглашали время отъ времени избу, гдѣ царствовалъ зловоннѣйшій воздухъ, отравленный еще и запахомъ махорки.

Не чувствовала этого Фекла, привыкшая ко всевозможнымъ запахамъ. Она усердно разбиралась въ остаткахъ кушаній и заботливо выбирала и припрятывала болѣе сахарные кусочки для уѣхавшей Феклы.

«Слава-те Господи, думала старуха, свой чередъ отбыли ладно, всѣ гости остались довольны, вотъ только поумаялись маленько, такъ это что, вотъ черезъ часъ всѣ разъѣдутся, и отдохну всласть. Безъ гостей-то мнѣ за Феклунькиной спиной и дѣлать нечего. А чередъ-отъ нашъ послѣ завтра, а не то и дня черезъ два выпадетъ».

Мимо оконъ проскрипѣлъ обозъ, минутъ черезъ пять послѣ него прозвенѣлъ колокольчикъ, а вскорѣ за нимъ и другой. Старуха прислушалась и улыбнулась. «Нѣтъ, при экой гоньбѣ, пожалуй, что чередъ-отъ нашъ и завтра къ ночи выпадетъ. Теперь ишь самый разгаръ. Это вотъ ужотко чередъ-отъ станетъ денька черезъ три выпадать, а тамъ и черезъ недѣлю, черезъ двѣ, а тамъ и вовсе его не дождешься и заглохнетъ, замретъ наша сторонушка снова до ярмарки. Эхъ, зимушка-матушка, хошь-бы ты вѣчно длилась!—вздохнула старуха,—не падыть-бы намъ вовсе краснаго лѣтичка, Христосъ съ нимъ совсѣмъ. Теперь вотъ подати ужь собраны, на хлѣбушко,—коли что,—во все лѣто станетъ, все дала зимушка, поилица-кормилица, а что дала то въ красное лѣтичко всерастресешь. Эхъ ма!..Эка вѣдра!..»

(*Продолженіе слѣдуетъ.*)

Тайна.

(Изъ Гейне).

Стих. Мих. Шелгунова.

Мы не вздыхаемъ, сухи очи,
Мы даже шутимъ иногда!
Ни въ чьемъ лицѣ, ни въ чьемъ ты взглядѣ
Не сыщешь тайны и слѣда.

Она, съ своимъ нѣмымъ терзаньемъ,
Въ крови, въ душѣ у насъ лежитъ;
Хоть боль терзаетъ сердце дико,
Но ротъ болѣзненно молчитъ.

Спроси ребенка въ колыбели,
Спроси въ могилѣ мертвеца,
Они тебѣ откроютъ, можетъ,
Что не скажу я до конца.

Изъ исторіи романтизма.

Ст. Диллетанта.



Въ области искусства наше время весьма похоже на эпоху двадцатыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія. Какъ въ двадцатыхъ годахъ романтизмъ явился переворотомъ въ искусствѣ, такъ и теперь французскіе реалисты, и во главѣ ихъ Эмиль Зола, готовятся произвести революцію въ романѣ, а посредствомъ романа и во всѣхъ остальныхъ сферахъ искусства. Для этихъ новыхъ реформаторовъ задача заключается въ томъ, чтобы на мѣсто формулы романтизма,—формулы, по ихъ мнѣнію, устарѣвшей,—поставить формулу новѣйшаго реализма. Но въ чемъ заключается эта новѣйшая формула? Точно и обстоятельно отвѣтить на этотъ вопросъ довольно затруднительно въ настоящее время, но и теперь уже видны общія очертанія новой эстетической теоріи. Придерживаясь выраженій Зола, съ одной стороны «реалистическій романъ есть ничто иное, какъ изслѣдованіе природы, живыхъ существъ и неодушевленныхъ предметовъ». «Вмѣсто того, чтобы придумывать исторію, усложнять ее, измышлять театральные эффекты, которые отъ сцены къ сценѣ приводятъ къ заключенію, реалисты берутъ просто изъ жизни исторію одного человѣка или группы людей и тщательно записываютъ ихъ дѣянія». Такимъ образомъ «романъ превращается въ протоколъ и все его достоинство заключается только въ точномъ наблюденіи, въ болѣе или менѣе глубокой проницательности анализа, въ логическомъ сцѣпленіи событій». Съ другой стороны, по мѣрѣ своего развитія, теорія принимаетъ болѣе опредѣленныя черты и теперь Зола уже объясняетъ намъ, что реалистическій романъ есть романъ экспериментальный, а романистъ превращается въ ученаго натуралиста, который, не довольствуясь наблюденіемъ жизни, провѣряетъ это наблюденіе цѣлымъ рядомъ опытовъ. Было бы неумѣстно здѣсь подвергать критикѣ и анализу эту новую теорію; для насъ достаточно и того, что теорія, формулированная такимъ образомъ Зола, представляетъ собою значительное и существенное уклоненіе отъ формулы романтизма, — школы, которая до сихъ поръ была господствующей во всѣхъ сферахъ искусства.

Но французскіе реалисты не только теоретики, они также и люди дѣла, пропаганды. Они неутомимо агитируютъ въ пользу своей теоріи, пользуясь всѣми средствами. Замѣтивъ, что во Франціи новѣйшая теорія весьма плохо прививается и встрѣчается, по большей части, насмѣшками, неутомимые реалисты перенесли свою пропаганду въ русскіе журналы и съ нѣкотораго времени, благодаря Зола, «Вѣстникъ Европы» сдѣлался, такъ сказать, офиціальнымъ органомъ новѣйшаго французскаго реализма. Другіе журналы, какъ, напр., «Слово» пріютили молодыхъ подражателей Зола,—Юитманса, Сеара, Энника, и печатаютъ ихъ романы. Рядомъ съ этимъ ведется пропаганда и во Франціи, но уже на другой почвѣ, на сценѣ, и, если вѣрить слухамъ, то окончательная литературная борьба, какъ и въ эпоху романтизма, должна разрѣшиться на театральныхъ подмосткахъ. Первые шаги, какъ извѣстно, были сдѣланы еще въ началѣ нынѣшняго года и сдѣланы,—нужно прибавить,—весьма рѣшительно. Зола поставилъ свою драму «Assomoir» на сценѣ театра «Ambigu». Эта постановка разрослась въ цѣлое событіе, которое

втеченіи двухъ недѣль исключительно поглощало вниманіе парижанъ. За двѣ недѣли до перваго представленія всѣ билеты были уже разобраны, а мѣста на слѣдующія представленія продавались на вѣсъ золота. «Mise en scène» оказалась верхомъ реализма. Знаменитая прачешная, кабакъ, мансарда Жервезы—переданы декораторами съ фотографическою вѣрностью. Игра отличалась такимъ же неподдѣльнымъ реализмомъ и въ этомъ отношеніи всѣ прежнія попытки перенести на сцену дѣйствительную жизнь—не болѣе, какъ романтически-дѣтская блажь въ сравненіи съ тѣмъ, что было реализовано въ «Assomoir». Такъ, актеръ Жиль-Наза втеченіи трехъ мѣсяцевъ изучалъ въ больницѣ Ларибуазьеръ симптомы бѣлой горячки и передавалъ ихъ на сценѣ съ такой безжалостной правдой, что зрители чувствовали себя гораздо болѣе въ больницѣ умалишенныхъ, чѣмъ въ залѣ театра. Одно только не понравилось горячимъ поклонникамъ реализма: Зола не могъ заставить актера, взявшаго на себя роль каменьщика, броситься съ крыши четырехэтажнаго дома на мостовую и живой человѣкъ въ данномъ случаѣ былъ замѣненъ куклой. Какая непростительная уступка романтизму!

Если вѣрить слухамъ, то реалисты не намѣрены ограничиться этимъ первымъ, хотя и весьма удачнымъ, опытомъ; готовятся другія сраженія, и реалисты надѣятся побѣдить романтиковъ также, какъ въ двадцатыхъ годахъ романтики побѣдили классиковъ, благодаря представленіямъ драмы Виктора Гюго—«Hernani». Аналогія между двумя движеніями, какъ видитъ читатель, полная, неизвѣстенъ только окончательный результатъ: дѣйствительно-ли побѣдятъ реалисты романтиковъ, какъ лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ романтики побѣдили классиковъ? Впрочемъ, для насъ въ настоящемъ случаѣ важенъ не столько окончательный результатъ, сколько самые симптомы борьбы, а эти симптомы до такой степени напоминаютъ борьбу романтиковъ съ классиками, что въ умѣ невольно встаютъ картины этой удивительной и во многомъ чрезвычайно поучительной эпохи возрожденія европейскаго искуства. Объ этой-то эпохѣ я и намѣренъ поговорить съ читателями.

I.

Какъ бы мы теперь ни относились къ романтизму, несомнѣнно одно:—романтизмъ былъ совершенно естественной, неизбѣжной и законной реакціей противъ истощившагося и умиравшаго отъ дряхлости псевдо-классицизма. Въ настоящую минуту едва-ли возможно отчетливо представить себѣ, до какой степени безсодержательности, бездарности и блѣдности дошла тогдашняя литература. Живое, непосредственное наблюденіе, жизнь—отошли на второй планъ и даже были, такъ сказать, совершенно устранены, они были замѣнены подражаніемъ писателямъ «великаго вѣка». Эти писатели представляли всевозможные образцы слога, содержанія, міровоззрѣній, правилъ; отсюда образовался своеобразный, совершенно условный и мертвый языкъ, академическій слогъ, щегольство мифологіей, искуственная поэзія, словарь пересмотрѣнный, одобренный, извлеченный изъ лучшихъ авторовъ. Въ этой спертой атмосферѣ искуство чахло и гибло, какъ растеніе въ подвалѣ. Повсюду водворилось преобладаніе этого невыносимаго, искуственнаго слога, заразившаго конецъ прошлаго и начало настоящаго столѣтія, жаргона, въ которомъ рифма непремѣнно влекла за собой другую, извѣстную рифму, а вещи не смѣли называться ихъ настоящими именами; въ которомъ слово: пушка замѣнялось перифразой, а море называлось не иначе, какъ Амфитритою; въ которомъ скованная мысль теряла и силу, и правду, и жизнь, а литература казалась дѣломъ академіи педантовъ, достойныхъ управлять фабрикой латинскихъ стихотвореній. Съ другой стороны, живопись была не лучше. Послѣдніе ученики Давида дошли до невѣроятной безсодержательности, до бездарности, по истинѣ, изумительной, довольствуясь приторными позами греческихъ и римскихъ героевъ. Изъ Франціи эта зараза подражательности и условности распространилась съ удивительной быстротой въ Европѣ и проникла даже въ Россію, найдя у насъ достойныя себя жертвы, между прочимъ, Сумарокова, который въ своей передѣлкѣ «Гамлета», составленной по передѣлкѣ Дюси, заставляетъ Офелію въ концѣ пьесы говорить своему возлюбленному:

Ступай, мой князь, во храмъ, яви себя въ народѣ,
А я пойду отдать послѣдній долгъ природѣ!

Казалось, что поэзія и живопись сказали свое послѣднее слово, окончательно и безвозвратно истощились и что ихъ ждетъ неминуемая смерть. Школа Делиля и Делавиня была въ литературѣ такимъ же неумѣлымъ и безжизненнымъ подражаніемъ, какъ въ политикѣ реставрація была подражаніемъ монархіи Людовика XIV. Извѣстно, къ чему привела реставрацію эта подражательность: не сдѣлавъ ничего для монархическаго принципа, реставрація оказалась только тормозомъ, вслѣдствіе чего и ускорила революціонный взрывъ тридцатаго года. Тоже случилось и въ искуствѣ. Подогрѣтый классицизмъ не жилъ идеями своего времени; онъ не хотѣлъ ихъ знать и искалъ образцовъ въ XVII столѣтіи. Отсюда—безсиліе этой литературы, безсодержательность, отсутствіе талантовъ и живой идеи. «Истощившееся искуство, — говоритъ Тэнъ, — подобно больному, страждущему изнуреніемъ силъ: оно все болѣе и болѣе слабѣетъ и, наконецъ, умираетъ». На свѣжей могилѣ, разумѣется, возникаетъ новая жизнь, которая въ данномъ случаѣ проявилась въ формѣ романтизма.

Такимъ образомъ, романтизмъ является не простой, случайно возникшей эстетической теоріей, а неизбѣжнымъ слѣдствіемъ историческихъ и бытовыхъ условій. Франція—его настоящая родина. Это—не теорія и даже не школа, а полное, всестороннее освобожденіе отъ тѣхъ стѣснительныхъ рамокъ, которыя были навязаны искуству «великимъ» вѣкомъ съ одной стороны, и съ другой—возвратъ къ средневѣковымъ традиціямъ, къ роману трубадуровъ, къ средневѣковому романсеро (откуда и названіе романтизма). Въ Германіи Тикъ первый указалъ на необходимость такого поворота; затѣмъ во Франціи г-жа Сталь въ книгѣ «О Германіи», потомъ Шатобріанъ въ первыхъ своихъ произведеніяхъ, наконецъ, Лемерсье въ своемъ «Курсѣ литературы» началъ реакцію противъ классиковъ. Ламартинъ продолжалъ борьбу во время реставраціи, а окончательной побѣдой романтизмъ обязанъ Виктору Гюго...

Этотъ освободительный характеръ романтизма особенно ярко просвѣчиваетъ въ слѣдующихъ словахъ Генриха Бейля (Стендаля),—наиболѣе энергичнаго защитника новой формулы: «Романтизмъ,—говоритъ онъ,—есть искуство давать народамъ такія литературныя произведенія, которыя при современномъ состояніи ихъ привычекъ и вѣрованій способны давать имъ наибольшую долю возможнаго наслажденія. Классицизмъ, напротивъ, даетъ умственную пищу, которая давала наибольшую долю наслажденія ихъ предкамъ. Софоклъ и Еврипидъ были вполнѣ романтиками: они давали грекамъ, собиравшимся въ афинскомъ театрѣ, такія трагедіи, которыя при нравственныхъ привычкахъ этого народа, религіи, предразсудкахъ должны были доставить имъ громадное наслажденіе. Подражать теперь Софоклу и Еврипиду и увѣрять, что эти подражанія не заставятъ зѣвать французовъ XIX столѣтія—это классицизмъ. Я нисколько не колеблюсь утверждать, что Расинъ былъ романтикомъ; онъ давалъ маркизамъ двора Людовика XIV изображенія страсти, умѣряемой чрезвычайнымъ достоинствомъ, которое тогда было въ модѣ и благодаря которому какой-нибудь герцогъ даже въ нѣжнѣйшихъ изліяніяхъ отеческой любви никогда не забывалъ называть своего сына «monsieur». Шекспиръ былъ романтикомъ, потому что онъ представлялъ англичанамъ 1590 года во-первыхъ, кровавыя катастрофы междоусобныхъ войнъ и во-вторыхъ, какъ контрастъ, анализъ движеній человѣческаго сердца, оттѣнки едва уловимыхъ страстей. Сто лѣтъ гражданскихъ войнъ и переворотовъ, безчисленное множество измѣнъ, казней, самопожертвованій приготовили подданныхъ Елисаветы къ такого рода трагедіи, которая удерживала зрителей въ сферѣ высшихъ возбужденій человѣческой страсти. И люди, и событія, опоэтизированные Шекспиромъ,—колоссальныхъ размѣровъ. Эти люди и событія возбудили бы страшное негодованіе сантиментальныхъ и надушенныхъ куколъ, которыя въ царствованіе Людовика XV не могли видѣть паука безъ того, чтобы имъ не сдѣлалось дурно...» Отсюда неизбѣжная необходимость для искуства быть отраженіемъ стремленій, потребностей, идеаловъ современной жизни на почвѣ національности. Эта необходимость въ двадцатыхъ годахъ называлась романтизмомъ.

Исторія романтизма поэтому представляетъ любопытнѣйшій фазисъ, пережитый искуствомъ. Здѣсь я разскажу только начало этого фазиса, тотъ моментъ, когда переворотъ, совершившись въ умахъ, переходилъ въ жизнь.

II.

Моментъ, можетъ быть, единственный въ исторіи искуства и литературы. Едва-лишь первые признаки этого возрожденія возникли во Франціи, какъ оказалось, что дѣло классицизма безвозвратно проиграно. Общество и въ особенности молодежь, всегда чуткая къ проявленіямъ жизни, встрѣтили освобождающую идею романтизма съ восторгомъ, неимѣвшимъ границъ. И дѣйствительно, этотъ моментъ былъ удивительнымъ моментомъ въ исторіи развитія Франціи. Вальтеръ-Скотъ былъ тогда въ полномъ расцвѣтѣ своего таланта; молодежь съ безграничнымъ увлеченіемъ старалась проникнуть въ тайны гетевскаго Фауста, который, по выраженію г-жи Сталь, заключаетъ въ себѣ рѣшительно все и даже нѣсколько больше, чѣмъ все. Впервые послѣ насмѣшекъ Вольтера Франція знакомилась съ Шекспиромъ, принаряженнымъ по французской модѣ, въ переводѣ Летурнера; она знакомилась съ поэмами лорда Байрона—Корсаромъ, Лирой, Гіауромъ, Манфредомъ, Беппо, Донъ-Жуаномъ, восхищалась востокомъ, который тогда носилъ еще на себѣ всю прелесть новизны. Все это было молодо, ново, съ яркими красками, странными очертаніями, опьяняющимъ благоуханіемъ. Открывался точно новый міръ, невѣдомый, таинственный, прелестный, отъ котораго кружилась голова, билось сильнѣе сердце, воспламенялось воображеніе. Шатобріанъ былъ, такъ сказать, праотцемъ французскаго романтизма. Въ «Génie du Christianisme», онъ, можно сказать, реставрировалъ готическій соборъ и, по выраженію Стендаля, сдѣлалъ христіанство красивымъ; въ «Natchez» онъ открылъ двери чувству красоты въ природѣ; въ «René» онъ создалъ меланхолію и современную страстность. Къ несчастью, этому поэту не доставало поэтической формы,—стиха, которымъ Викторъ Гюго владѣлъ съ такимъ поразительнымъ искуствомъ. И Викторъ Гюго сдѣлался божествомъ романтизма; предисловіе къ его «Кромвелю» считалось молодыми фанатиками-романтиками свя-

ПАРИЖСКАЯ ВЫСТАВКА 1879 ГОДА.

СКУЛЬПТУРА Ж. КУТАНА.

Христофоръ, несущій міръ.

Рѣзалъ на деревѣ А. Шлиперъ въ С.-Петербургѣ.

щеннымъ текстомъ, въ которомъ заключено истинное ученіе новой школы, та эстетическая панацея, которая должна спасти искусство и литературу отъ тлетворнаго вліянія классицизма. Нападки классическихъ газетъ и журналовъ на Виктора Гюго и на новую школу приводили въ бѣшенство молодыхъ романтиковъ; называя ихъ насмѣшливо татуированными краснокожими, классики получили отъ нихъ кличку мумій.

Въ этой первой и, можетъ быть, самой симпатичной арміи романтизма, какъ и въ итальянской арміи Бонапарта,—всѣ, и солдаты, и начальники, были одинаково молоды. Солдаты, по большей части, еще не достигли совершеннолѣтія и находились подъ ненавистнымъ родительскимъ игомъ, а главнокомандующему было всего двадцать восемь лѣтъ. Таковъ въ то время былъ возрастъ Виктора Гюго. Авторъ настоящей статьи имѣлъ случай познакомиться въ прошедшемъ году съ великимъ поэтомъ Франціи. Теперь Викторъ Гюго представляетъ изъ себя полнаго, плотнаго старичка низенькаго роста, очень бодраго, хотя, видимо, надломленнаго жизнію, съ громадной головой, съ сѣдыми волосами, коротко остриженными, съ чудесными ясными и умными глазами, на которые опытъ долгой и печальной жизни наложилъ нѣкоторый отпечатокъ холодности и безпристрастья, съ громаднымъ, поразительной красоты лбомъ, съ спокойствіемъ выраженія въ лицѣ, освѣщаемомъ по временамъ привѣтливой улыбкой... Не такимъ былъ великій поэтъ въ дни своей юности, въ то время, когда онъ предводительствовалъ арміей романтизма, если вѣрить Теофилю Готье. Длинные, темнорусые волосы обрамляли тогда этотъ красивый, громадный лобъ; за то ни усовъ, ни бороды не видно было на молодомъ, тщательно выбритомъ лицѣ. Во всякомъ случаѣ, въ этомъ приличномъ молодомъ джентльменѣ трудно было видѣть предводителя и вождя шумной, дѣтски увлекающейся и несговорчивой шайки юныхъ восторженныхъ романтиковъ, наводившихъ ужасъ на скромныхъ парижскихъ буржуа.

Эта шайка, составившая первоначальный, романтическій «cenacle», состояла изъ нѣсколькихъ молодыхъ людей, евангеліемъ которыхъ было предисловіе къ «Кромвелю», а величайшимъ геніемъ человѣчества — Викторъ Гюго, послѣ Шекспира, разумѣется. Впослѣдствіи многіе изъ этихъ молодыхъ людей сдѣлались извѣстными писателями, художниками, актерами, но тогда ихъ призваніе еще не выяснилось и они довольствовались лишь восторженными аспираціями. Къ нимъ, между прочимъ, принадлежали Жераръ де-Нерваль, Жеганъ дю-Сеньеръ, Аугустусъ Мак-кэ (Огюстъ Макэ), О'Недди (каждый старался хоть нѣсколько измѣнить свою фамилію, придавая ей видъ средневѣковый, готическій, согласно тогдашней романтической модѣ), Наполеонъ Томъ, Бушарди, Нантейль, Теофиль Готье. Всѣ эти молодые люди были тогда дѣйствительно молодыми и весьма мало похожими на нынѣшнюю литературную и художественную богэму.

Теофиль Готье, — одинъ изъ свѣтилъ тогдашняго романтизма, впослѣдствіи знаменитый и блестящій критикъ, тогда молодой человѣкъ семнадцати лѣтъ,—еще не рѣшался, чѣмъ ему быть? Великимъ-ли поэтомъ, или же не менѣе великимъ художникомъ? Во всякомъ случаѣ, онъ пришелъ бы въ неописанное негодованіе, если бы ему сказали, что онъ будетъ только блестящимъ журналистомъ. Будущность художника ему болѣе улыбалась и вслѣдствіе этого онъ поступилъ въ мастерскую Ріу, близость которой къ коллегіи Шарльманя, гдѣ онъ зубрилъ «географію, исторію и всѣ прочія науки», позволяла ему учиться живописи, не забывая окончательно уроковъ противной арифметики. Но и въ то время онъ уже началъ пописывать стихи.

Но романтическая эпидемія заразила и его: онъ возымѣлъ безумное честолюбіе познакомиться съ Викторомъ Гюго. Генрихъ Гейне разсказываетъ, что, рѣшившись отправиться съ первымъ визитомъ къ Гёте, онъ долгое время приготавливалъ въ своей головѣ торжественную рѣчь, которую онъ произнесетъ, когда предстанетъ передъ великимъ олимпійцемъ; но, увы! увидѣвъ Гёте, онъ забылъ свою рѣчь и нашелся только сказать, что «по дорогѣ, между Іеной и Веймаромъ, ростутъ прекрасныя грушевыя деревья, дающія прекрасныя груши, утоляющія жажду». То же случилось и съ Теофилемъ Готье, когда товарищи представили его Виктору Гюго; онъ также мечталъ произнести привѣтственное стихотвореніе съ похвалой богу романтизма, но былъ до такой степени подавленъ лицезрѣніемъ его, что только конфузливо улыбался и упорно молчалъ.

Нѣсколько позднѣе, этотъ молодой романтикъ выкинулъ штуку, которая довольно ярко рисуетъ возбужденные нравы тогдашней французской молодежи. Спустя десятки лѣтъ, стоило только произнести фамилію Теофиля Готье передъ первымъ попавшимся филистимляниномъ (такъ называли романтики классиковъ), чтобы привести послѣдняго въ ужасъ воспоминаніемъ о ярко-красномъ жилетѣ, въ которомъ тогда расхаживалъ по Парижу Теофиль Готье. Этотъ жилетъ онъ заказалъ себѣ для перваго представленія драмы Гюго «Hernani». Всякій, кто знаетъ хоть нѣсколько французскій характеръ, согласится съ тѣмъ, что появиться въ залѣ спектакля съ длинными, незнающими гребенки волосами à la Альбертъ Дюреръ и жилетомъ, столь же краснымъ, какъ плащь андалузскаго torrero, — нужна храбрость самаго храбраго солдата, идущаго на приступъ крѣпости... На войнѣ множество храбрыхъ воиновъ исполняютъ это дѣло почти безсознательно, между тѣмъ какъ до тѣхъ поръ во Франціи не нашлось еще ни одного француза, который бы рѣшился надѣть на себя такой жилетъ. По взгляду, исполненному презрѣнія, съ которымъ онъ встрѣчалъ насмѣшливое изумленіе филистимлянъ, можно было быть увѣреннымъ, что при малѣйшемъ вызовѣ Теофиль Готье рѣшится явиться въ слѣдующій разъ уже не въ красномъ, а, можетъ быть, ярко-зеленомъ или желтомъ, да и то—не жилетѣ, а цѣломъ костюмѣ. Этимъ краснымъ жилетомъ молодой романтикъ намѣревался протестовать противъ разлагающейся цивилизаціи, которая не понимала колорита въ живописи и красокъ въ поэзіи! Разумѣется, что протестъ не послужилъ ни къ чему и не убѣдилъ мирныхъ буржуа, не зараженныхъ романтическими страстями, въ превосходствѣ колорита à la Делакруа!

Дѣло въ томъ, что для восторженнаго романтика тогдашняго времени человѣчество дѣлилось на яркихъ и сѣрыхъ; одни были предметомъ любви и восторговъ, другіе—ненависти. Романтики требовали для искусства—жизни, свѣта, движенія, смѣлости въ мысли и въ исполненіи, возврата къ эпохѣ возрожденія и древности, и съ презрѣніемъ отвергали сѣрый, безцвѣтный колоритъ, сухой и тощій рисунокъ, композицію, похожую на группировку монекеновъ, композицію, унаслѣдованную реставраціей отъ имперіи. Выраженіе сѣрый имѣло также значеніе и въ литературѣ: для тогдашнихъ романтиковъ, Дидро былъ яркимъ, Вольтеръ — сѣрымъ, какъ Рубенсъ — съ одной стороны и Пуссенъ—съ другой.

Въ своихъ воспоминаніяхъ Теофиль Готье описываетъ изумленіе несчастнаго портного, когда молодой романтикъ выразилъ желаніе имѣть красный жилетъ, скроенный по фасону зашнурованныхъ кафтановъ временъ Валуа. «Il demeura stupide! (онъ ошалѣлъ—въ вольномъ переводѣ) могъ бы воскликнуть портной словами Ипполита, услышавшаго сознаніе Федры, въ драмѣ Расина.

— Но, господинъ Готье, — замѣтилъ ошалѣвшій портной,—такой костюмъ теперь не въ модѣ...

— Ничего, онъ будетъ въ модѣ, когда я его надѣну,—отвѣчалъ Готье съ апломбомъ, достойнымъ Брюммеля, Наша или всякаго другого знаменитаго дэнди.

— Мнѣ неизвѣстенъ, признаюсь, фасонъ костюма; это скорѣе костюмъ театральный... я могу ошибиться въ кройкѣ...

— Не безпокойтесь, я вамъ сейчасъ покажу въ чемъ дѣло.

Красный жилетъ Теофиля Готье произвелъ фуроръ и вскорѣ сдѣлался весьма извѣстнымъ. Въ книгѣ «Victor Hugo raconté par un témoin de sa vie» мы читаемъ: «Не было недостатка также и въ эксцентричныхъ костюмахъ, приводившихъ въ ужасъ ложи. Зрители пальцами указывали на г. Теофиля Готье, котораго ярко-красный жилетъ выступалъ особенно рѣзко на нѣжно-сѣромъ фонѣ панталонъ, украшенныхъ съ одной стороны бантомъ изъ чернаго бархата...»

Этотъ жилетъ былъ признанъ «знаменемъ времени...»

(Продолженіе слѣдуетъ.)

Бродячая собака.

(Разсказъ **Бретъ-Гарта**, переводъ г-жи **Мартыновой**).



огда я поднялъ глаза отъ газеты и взглянулъ въ окно, я замѣтилъ у противуположнаго дома собаку, лежащую на ступеняхъ крыльца. Всякій естественно могъ бы предположить, что эта собака принадлежитъ хозяину или кому нибудь изъ жильцовъ этого дома, и я видѣлъ даже, какъ нѣкоторые, проходя въ домъ, мимоходомъ гладили ее (быть можетъ, желая этимъ оказать любезность ея хозяину), и какъ она, лукаво извиваясь, помахивая хвостомъ, принимала, какъ должное, эти ласки. Но все это было не болѣе, какъ ошибка.

Собака эта не имѣла ни хозяина, ни жилища. Это была просто парія, отщепенецъ между животными, короче, это была собака уличныхъ мальчишекъ.

И только тотъ, кто болѣе или менѣе знакомъ съ бродяжническими нравами и хищническими инстинктами уличныхъ мальчишекъ большихъ городовъ,—только тотъ можетъ вполнѣ понять все унизительное значеніе этого прозвища, ниже котораго уже не можетъ снизойдти этотъ бѣдный другъ человѣка! Даже собака слѣпого нищаго или какого-нибудь бездомнаго бѣдняка всегда неизмѣримо счастливѣе ея; та, по крайней мѣрѣ, обязана повиновеніемъ только одному своему хозяину; эта же должна повиноваться первому мановенію или зову каждаго, самаго маленькаго уличнаго мальчишки въ околоткѣ, и служить, большею частію, испорченнымъ вкусамъ и привычкамъ разудалой толпы.

Во всѣхъ ихъ похожденіяхъ: маленькихъ кражахъ, набѣгахъ на задніе дворы, битьѣ стеколъ и разныхъ другихъ необузданныхъ проказахъ, она ихъ непремѣнный товарищъ и соучастникъ и, въ случаѣ своей нерасторопности, нерѣдко своими боками отвѣчаетъ за ихъ грѣхи. Такимъ образомъ, это несчастное животное опережаетъ на себѣ всѣ дурныя качества своихъ хозяевъ, не обладая ни одной благородною чертою.

И если, такъ называемая, «собачья жизнь» означаетъ самое жалкое и безотрадное существованіе для человѣка,—то жизнь бродячей собаки,

по моему, еще невыносимѣе. За неимѣніемъ у уличныхъ мальчишекъ другихъ развлеченій, она въ то время служитъ имъ и забавой, перенося при этомъ такія муки и униженія, что можно только удивляться ея выносливости. Уши и хвостъ ея постоянно страдаютъ отъ грубаго произвола безжалостныхъ рукъ мальчишекъ и я видѣлъ однажды, какъ она волочила привязанный къ хвосту ея тяжелый, жестяной котелъ; если же, къ несчастію, собака обладаетъ хотя малѣйшею живостью нрава, мальчишки постоянно наталкиваютъ ее на ожесточенную борьбу съ другими большими уличными псами.

Кромѣ того, бѣдное животное дѣлается часто предметомъ выгодной эксплуатаціи. Я помню, какъ однажды, выходя изъ дому, я былъ остановленъ двумя мальчиками, предлагавшими мнѣ купить собаку, за весьма впрочемъ умѣренную цѣну. Мнѣ стало тогда жаль бѣдное животное, которому въ рукахъ мальчиковъ предстояла жалкая участь сдѣлаться впослѣдствіи настоящей бродягой, и я уже готовъ былъ купить ее,—какъ вдругъ замѣтилъ мимолетный, но многозначительный взглядъ, которымъ обмѣнялись съ нею мальчики. Я тотчасъ же смекнулъ, въ чемъ дѣло, и, прекративъ всякіе переговоры, поспѣшилъ выпроводить ихъ за двери.

Конечно, это была уже старая, испытанная собака, которая при первомъ удобномъ случаѣ не замедлила бы снова возвратиться къ своимъ хозяевамъ; предположеніе мое вполнѣ подтвердилось, когда на слѣдующій же день мальчишкамъ этимъ удалось таки продать ее моему сосѣду, а черезъ нѣсколько времени я снова видѣлъ ихъ, продающими ту же самую собаку, вѣроятно, въ десятый разъ.

Мнѣ приходила иногда мысль, что если дѣйствительно жизнь подобной собаки такъ невыносимо-дурна, отчего бы ей было не убѣжать? Но я пришелъ къ тому убѣжденію, что сдѣлать этого она не можетъ, потому что со всѣми своими дурными привычками она свыклась съ самаго нѣжнаго возраста, когда совсѣмъ глупымъ щенкомъ, по всей вѣроятности, была похищена отъ своей матери ловкими и хитрыми мальчишками именно для этой цѣли. Когда же эта сабака выросла и уже достаточно втянулась въ цыганскую жизнь, то въ свою очередь сдѣлалась приманкою глупыхъ, неопытныхъ дѣтей, которыхъ она заставляетъ часто забывать школу и шататься цѣлый день безъ дѣла, какъ бы мстя этимъ за свою собственную безполезность. Это для нея также своего рода развлеченіе и цѣль и во всѣхъ подобныхъ случаяхъ она обыкновенно дѣйствуетъ чрезвычайно тонко. Спачала она, большею частію, совершенно спокойно лежитъ себѣ, вытянувшись гдѣ нибудь у садовой калитки, и терпѣливо поджидаетъ какого-нибудь маленькаго мальчугана, чтобы тотчасъ же пустить въ ходъ все свое искусство съ цѣлію выманить его изъ сада, и лишь только покажется ребенокъ, она начинаетъ дѣлать всевозможныя забавныя штуки: прыгаетъ, бѣгаетъ, какъ гончая, взадъ и впередъ, описываетъ круги, совершенно скрывается изъ виду и вдругъ снова возвращается, чуть дыша, на свое прежнее мѣсто, ложится и, ласково посматривая своими умными глазами, какъ будто хочетъ сказать: «Что же, видишь, какъ все это легко и весело!» И вотъ, если тутъ ребятишка не устоитъ противъ ея соблазна и выйдетъ изъ сада, онъ уже въ полной ея власти: хитрое животное ведетъ его тогда разными закоулками въ гости къ своимъ неотесаннымъ хозяевамъ и послѣ этого нерѣдко бывали случаи, что заблудившагося ребенка находили только черезъ полицію.

Если же мнѣ самому приходится иногда встрѣтить на улицѣ мальчика, съ нѣсколько растеряннымъ видомъ, совершенно одного, я почти всегда замѣчаю гдѣ нибудь невдалекѣ и бродячую собаку. Или если мнѣ случается иногда читать въ газетѣ объявленіе о пропавшемъ ребенкѣ, у меня невольно пробѣгаетъ мысль, что онъ былъ уведенъ бродячею собакою. Заманиванія ея однако не ограничиваются только одними малышами; она также терпѣливо поджидаетъ иногда на дорогѣ мальчиковъ, идущихъ въ школу и, заманивая ихъ поиграть, заставляетъ, какъ я уже говорилъ выше, забывать о классахъ; или лежа, вытянувшись у дверей школы, она поджидаетъ выхода учениковъ, чтобы опять-таки заманить кого-нибудь изъ нихъ подальше отъ дому, въ какой-нибудь уединенный переулокъ.

Иногда же она ловко прикидывается водолазомъ и уводитъ дѣтей на набережныя и мосты; или прикидывается охотничьей собакой, такъ что у многихъ является желаніе испробовать ее на охотѣ.

По свойственной ей лживости, уличная собака обыкновенно идетъ на всякую кличку, слѣдуетъ нѣсколько времени за позвавшимъ ее и затѣмъ при первой возможности убѣгаетъ. Наконецъ, она зачастую крадетъ у дѣтей обѣдъ, какъ будто невзначай толкнувши при этомъ ребенка. Словомъ, продѣлки ея неисчислимы и, такимъ образомъ, изъ орудія безсердечности человѣка, бродячая собака сама дѣлается для него зломъ.

Но мнѣ глубоко и искренно жаль это бѣдное животное, лежащее такъ уныло на ступеняхъ чужого крыльца. Грѣясь на солнцѣ, она, какъ видно, хочетъ хотя немного попользоваться послѣобѣденнымъ отдыхомъ своего безотраднаго скитальческаго дня; но вотъ по улицѣ раздается пронзительный свистъ: это мальчики возвращаются изъ школы и черезъ нѣсколько минутъ ловко пущенная печеная картошка попадаетъ прямо въ голову бѣдной собакѣ, сразу вызывая ее изъ сладостной дремоты къ той грубой дѣйствительности, въ которой она снова не болѣе, какъ бездомный, бродячій песъ!

Уличный мальчишка.

(Разсказъ **Бретъ-Гарта**, переводъ **г-жи Мартыновой**.)



Онъ стоялъ, прислонясь спиною къ большому дереву, какъ разъ противъ моего окна. Шапка у него была надѣта козырькомъ назадъ, какъ будто нарочно для того, чтобы яснѣе можно было разглядѣть его испачканную рожицу. Его изодранное платье было небрежно застегнуто нѣсколькими уцѣлѣвшими пуговицами и обильно изукрашено разноцвѣтными узорами ягодныхъ пятенъ. Кончикъ носа у него былъ какъ-то особенно вздернутъ кверху, что, по моимъ наблюденіямъ, составляетъ чрезвычайно характеристичный признакъ физіономіи почти всѣхъ уличныхъ мальчишекъ и придаетъ имъ нѣсколько заносчивый видъ; происходитъ же это, по моему, весьма естественно и просто отъ частаго сованія этого носа всюду, куда не слѣдуетъ, напр., надавливанія имъ оконныхъ стеколъ, частаго глазѣнья черезъ очень высокіе заборы и, наконецъ, слишкомъ поспѣшнаго откусыванія очень большихъ кусковъ яблокъ.

Другимъ отличительнымъ признакомъ характера уличныхъ мальчишекъ можетъ служить ихъ крайняя навязчивость и безцеремонность.

Герой моего разсказа представляетъ собою какъ разъ экземпляръ такого типа. Познакомиться съ нимъ мнѣ пришлось совершенно случайно въ обидную для него минуту. Онъ мирно игралъ посреди улицы, какъ вдругъ кучеръ проѣзжавшаго мимо экипажа замахнулся и ударилъ его кнутомъ. Мальчуганъ быстро вскочилъ на ноги и въ безсильной злобѣ, потрясая кулакомъ, разразился вслѣдъ удалявшейся кареты такою страшною бранью, что передать ее здѣсь цѣликомъ положительно невозможно; сущность ея заключалась въ призываніи всѣхъ бѣдъ на голову злополучнаго возницы; затѣмъ, самыми обидными словами затрогивалась честь его отца, наносилось оскорбленіе памяти его матери и пр. и пр.

Все это время я невольно пристально смотрѣлъ на него, такъ что онъ, наконецъ, замѣтилъ это и вдругъ совершенно неожиданно и, какъ мнѣ показалось, нѣсколько смущенно, кивнулъ мнѣ головой; я отвѣтилъ ему тѣмъ же, но, конечно, никакъ не ожидалъ, что этотъ обмѣнъ вѣжливостей сдѣлаетъ насъ неразлучными. А между тѣмъ, съ этой именно минуты онъ почему-то счелъ себя вправѣ преслѣдовать меня рѣшительно повсюду, гдѣ бы я ни появлялся; такъ что, если мнѣ случается иногда проходить по улицѣ, когда онъ играетъ съ другими мальчишками, онъ съ замѣчательною безцеремонностью первый затѣваетъ разговоръ; затѣмъ, зачастую сторожитъ меня у моего крыльца и только что я выйду, идетъ по одному направленію со мной, потомъ вдругъ, быстро опережая меня, скрывается изъ виду и снова, уже на углу какой-нибудь другой улицы, неожиданно попадается мнѣ на встрѣчу.

Или еще, разъ какъ-то при входѣ моемъ въ театръ, онъ выросъ точно изъ подъ земли и съ чисто разбойничьею наглостію потребовалъ вдругъ мой входный билетъ; я такъ былъ ошеломленъ, что не нашелъ ничего лучшаго, какъ отдать этотъ билетъ ему; но не успѣлъ я, взявши другой билетъ, снова войдти въ театральную залу и отыскать свое мѣсто, какъ услышалъ, что кто-то громко, съ прибавленіемъ какого-то шутливаго прозвища произнесъ имя мое на галлереѣ. Я взглянулъ наверхъ и увидѣлъ снова его же!

Кромѣ того, во время представленія въ меня летѣли искуство свернутыя спиралью афиши, а въ антрактахъ то и дѣло доносились разныя болѣе или менѣе остроумныя замѣчанія на счетъ сверхкомплектно входящихъ лицъ и т. д.

Конечно, предпринимать какія-либо мѣры противъ этого было совершенно безполезно и я такъ и остался на весь вечеръ его жертвой.

Но теперь, когда я увидалъ его въ задумчивой позѣ прислонившагося къ дереву, я сразу понялъ, что онъ въ мрачномъ настроеніи: взоръ его тоскливо, какъ бы ища чего-то, блуждалъ по сторонамъ и онъ, какъ-то не хотя, насвистывалъ мотивъ своей любимой пѣсенки себѣ подъ носъ.

Но вдругъ онъ оживился; очевидно, судьба сжалилась надъ нимъ и посылаетъ ему утѣшеніе; такъ и есть: въ нашу улицу завернули два хорошенькихъ, чистенькихъ мальчика, одѣтые совершенно одинаково, всѣ въ бѣломъ, словомъ, какъ разъ такіе франтики, которые уже одной своею внѣшностію должны возбудить противъ себя всю непримиримую ненависть уличнаго мальчишки.

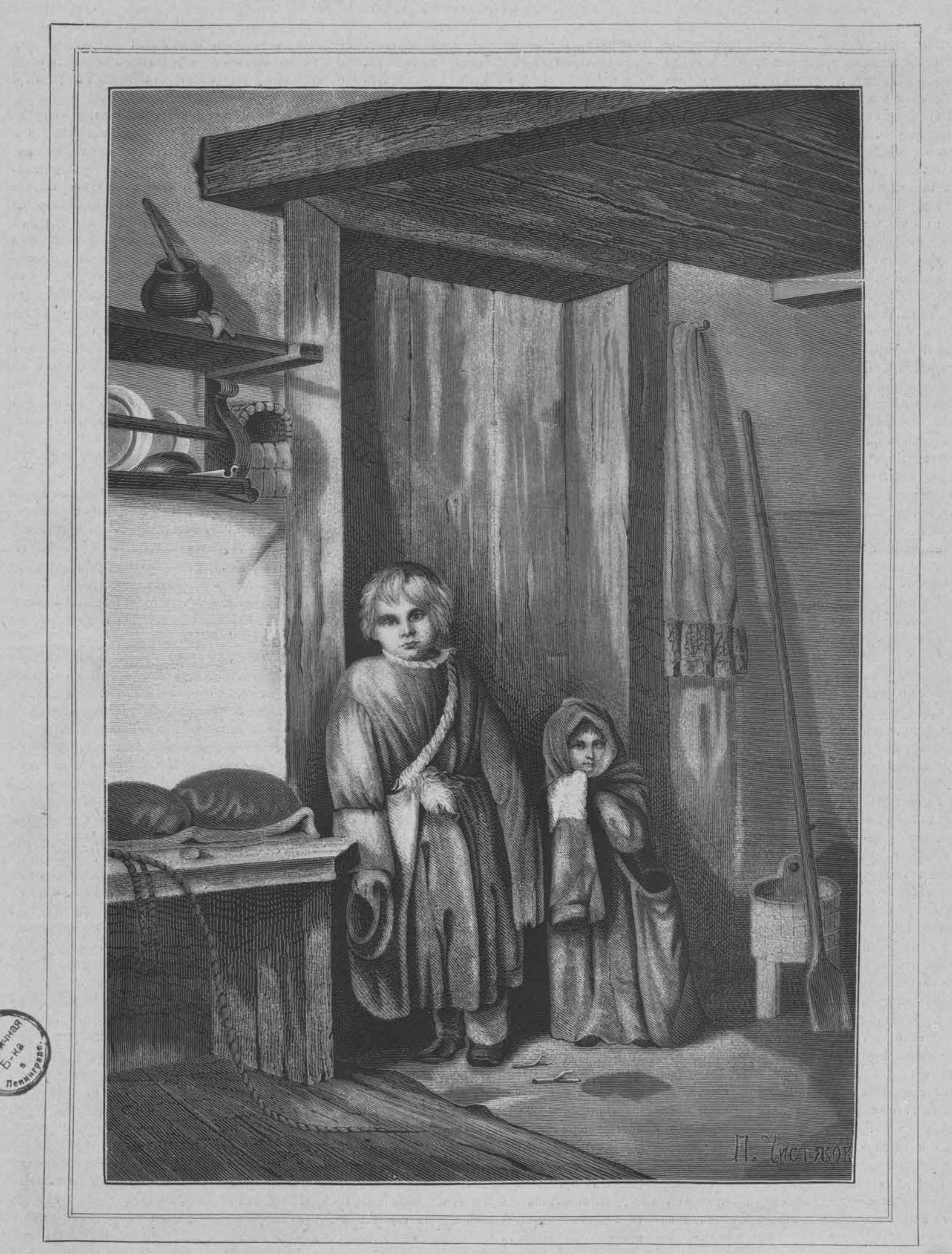
И вотъ, облегченный вздохъ вылетаетъ изъ его груди! Жертва на лицѣ,—онъ что-то замышляетъ.

Но тамъ, гдѣ всякій другой уличный буянъ, не долго думая, ограничился бы тѣмъ, что съ разбѣга сшибъ-бы съ франтовски-одѣтыхъ мальчиковъ шляпы и, затѣмъ, самодовольно поглядывалъ бы, какъ быстро станетъ улепетывать отъ него непріятель,—мой знакомецъ навѣрное измыслитъ что-нибудь особенное...

Мальчики, между тѣмъ, будто чуя опасность и свою безпомощность, ближе прижавшись другъ къ другу, поровнялись съ нимъ. Онъ осматриваетъ ихъ съ ногъ до головы и начинаетъ атаку насмѣшками: онъ дѣлаетъ восторженныя замѣча-

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА ПРОФЕССОРА П. ЧИСТЯКОВА.



Крестьянскія дѣти.

Рисовалъ **П. Чистяковъ**, рѣзано на деревѣ въ **«Варшавской политипажнѣ»** въ С.-Петербургѣ.

САЛОНЪ ВЪ ПАРИЖѢ 1879 ГОДА.

КАРТИНА БРИСПО.

Рѣзалъ по фотографіи **А. Шлиперъ** въ С.-Петербургѣ

нія насчетъ ихъ изящнаго костюма, затѣмъ, какъ будто обращаясь ко мнѣ, небрежно спрашиваетъ, нѣтъ-ли гдѣ по близости цирка? Потомъ, почтительно наклоняясь къ нимъ, освѣдомляется о здоровьи ихъ родителей; съ участіемъ спрашиваетъ, какъ это рѣшились отпустить ихъ однихъ и, наконецъ, предлагаетъ свои услуги проводить ихъ до дому. Но тутъ одинъ изъ мальчугановъ, въ полномъ замѣшательствѣ, начинаетъ что-то робко возражать; этого достаточно; нѣсколько правильно и вѣжливо произнесенныхъ словъ сразу заставляютъ уличнаго мальчишку перемѣнить тонъ; онъ насмѣшливо передразниваетъ юнаго франта и затѣмъ, не долго думая, даетъ полную волю своимъ кулакамъ.

Наша улица оглашается отчаянными криками и плачемъ жертвъ.

Не предвидя заранѣе такого исхода, возмущенный, я быстро отбѣгаю отъ окна, схватываю свою шляпу и стремительно спускаюсь съ лѣстницы, чтобы въ свою очередь болѣе энергично положить всему этому конецъ.

Московскіе театры.

I.

Большой театръ.

(Итоги прошлаго сезона. — Фіаско итальянцевъ.— Незавидное положеніе русской оперы.— Наши примадонны.— Гг. Корсовъ и Барцалъ.— Г-жи Массини и Юневичъ.— Безъ итальянцевъ.— Оживленіе новаго осенняго сезона.— Г-жа Верни въ «Фаустѣ», «Гугенотахъ» и «Аидѣ» — Одинъ итальянскій капельмейстеръ и трое русскихъ.— Постановка «Демона».)

Если подвести итоги прошлаго сезона — выводъ будетъ очень грустный. Давно большой театръ не былъ такимъ скучнымъ и безлюднымъ, какъ въ зиму 1878 — 9 года. Въ большомъ театрѣ шли оперы: итальянская и русская и давались разъ или два раза въ недѣлю балеты. Кажется, онъ долженъ бы угодить на разнообразные вкусы. А вышло такъ, что не угодилъ никому. Начнемъ съ итальянской оперы. Прошлый сезонъ блестяще доказалъ, что итальянская опера въ Москвѣ отжила свое, отжила отчасти сама собой, а больше стараніями дирекціи. Съ году на годъ персоналъ артистовъ ухудшался, абонементная подписка шла все слабѣе и слабѣе. Въ послѣдніе три года не было поставлено ни одной новой оперы, въ сезонъ 1875 — 6 г. поставили Аиду, въ прошломъ году — Гуаранца. Но московская публика не особенно цѣнитъ самую оперу, не привыкла внимательно слушать и обращать вниманіе на ансамбль, она пріучена ѣздить въ итальянскую оперу для примадонны или перваго пѣвца, а въ послѣдніе года дирекція ей ничего выдающагося не давала; въ третьемъ году во всемъ сезонѣ пѣла 8 разъ Нильсонъ и только этимъ поддержала подписку на абонементъ. Въ прошломъ же году опера съ пѣвицами, въ родѣ старушки Фридеричи, не могла привлечь даже и самыхъ отъявленныхъ итальяномановъ. А потому и постановка новой оперы и всѣ затраты дирекціи не привели ни къ чему: къ концу сезона оказался дефицитъ въ 75,000 рублей. И кромѣ этого матеріальнаго убытка, ущербъ, нанесенный итальянской оперой, отразился и на нашей русской оперѣ. Во первыхъ, самое зданіе театра было занято итальянцами 4 раза въ недѣлю, а съ бенефисами и 5 разъ. Одинъ день былъ посвященъ балету, такъ что для русской оперы оставался всего одинъ день въ недѣлю. Можетъ быть, отъ этого, а можетъ, и оттого, что итальянцы слишкомъ дорого стоили дирекціи, театральное начальство не обращало вниманія на русскихъ пѣвцовъ и на русскую оперу. Для Москвы не существуетъ ни Сѣрова, ни Чайковскаго, ни Антона Рубинштейна, ни Кюи, ни многихъ другихъ русскихъ композиторовъ. Въ послѣдніе 7 лѣтъ до нынѣшняго года не поставлено ни одной русской оперы. И это въ Москвѣ—въ сердцѣ Россіи! Для русской оперы удѣляютъ одинъ день въ недѣлю и не знаютъ, что ставить. Если даже не думать о новыхъ операхъ, то и со старымъ репертуаромъ справиться некому. Одна изъ лучшихъ русскихъ оперъ, самое даровитое твореніе Глинки, «Русланъ и Людмила» не шла цѣлую зиму: некому было пѣть ни Руслана, ни Людмилу, а между тѣмъ числится на службѣ московскаго театра 3 пѣвицы-сопрано, 2 меццо-сопрано и 3 баса, не считая вѣчнаго Финокки. И всѣ они на постоянномъ жалованьи и съ правомъ на пенсію. Чаще другихъ поетъ г-жа Люценко. Это московская Антонида, Людмила и Наташа. Почему ее назначили пѣть чаще, чѣмъ, напримѣръ, г-жу Махину,—не знаемъ; по голосу и таланту между ними можно поставить знакъ равенства; у г-жи Люценко голосъ утомленный, непріятный по тембру и часто срывающійся; она беретъ всѣ партіи, поетъ и Антониду, и Маргариту и Аиду... даже взяла разучивать трудную и неблагодарную партію Тамары въ оперѣ А. Рубинштейна «Демонъ», которую предполагали поставить въ прошломъ сезонѣ. Г-жа Махина, считающаяся колоратурной пѣвицей, судя потому, что поетъ и партію Маргариты въ «Гугенотахъ» и Евдоксіи въ «Жидовкѣ», выступаетъ также и въ Людмилѣ и въ Антонидѣ, не стѣсняясь тѣмъ, что ее поч и не слышно и у нея самый ординарный тембръ голоса. Про г-жу Лобро-деръ-Манукъ даже сказать ничего нельзя; публикѣ только и извѣстно про нее, что она «артистка императорскихъ московскихъ театрахъ», а какая артистка судить трудно. Пѣла она въ «Гугенотахъ» маленькую фіоритурную партію Маргариты, пѣла, можетъ быть, хорошо, да ничего не было слышно. Вотъ 3 московскія примадонны-сопрано. Могла ли съ ними процвѣтать русская опера—и спрашивать нечего. Сопранная партія почти въ каждой оперѣ главная, а если ее некому пѣть, то, конечно, и опера идти не можетъ. Въ прошломъ году въ Москвѣ имѣли еще кой-какой успѣхъ оперы съ пѣвицами меццо-сопрано. Ихъ у насъ 2: г-жа Массини и г-жа Юневичъ. Но съ послѣдней публика почти незнакома. Она въ прошломъ году пѣла раза 4 во весь сезонъ, не больше; въ нынѣшнемъ же и совсѣмъ еще не показывалась публикѣ. Это пѣвица уже не молодая, но хорошей школы и съ очень сильнымъ голосомъ. Г-жа Массини, въ сущности, меццо-сопрано, но поетъ и сопранныя партіи. Она дебютировала даже на московской сценѣ въ Маргаритѣ—Гуно и сейчасъ же понравилась публикѣ и голосомъ, и оригинальной игрой, и выразительностью пѣнія и мимики. Въ меццо-сопранныхъ партіяхъ она очень сильна и вообще г-жа Массини въ персоналѣ артистовъ русской оперы полезное пріобрѣтеніе. На контральтовыя партіи мы имѣемъ только одну пѣвицу — г-жу Святловскую на всѣ роли. Она ученица московской консерваторіи, съ пріятнымъ, сочнымъ голосомъ меццо-сопраннаго характера. Въ нѣкоторыхъ роляхъ она очень хороша, но никакъ не можетъ справляться одна со всѣми контральтовыми партіями репертуара и замѣнить ее некѣмъ. Г-жа Святловская и вашъ старый знакомый г. Барцалъ,—симпатія московской публики. Какъ мы слышали, въ послѣдніе года своего пребыванія въ Петербургѣ Барцалъ не имѣлъ никакого успѣха. Когда онъ перешелъ на московскую сцену многіе уже и здѣсь были предубѣждены противъ него. И все-таки, не смотря на это, оцѣнили г. Барцала по достоинству. Нашли, правда, что у него голосъ утомленный и не свѣжій, но въ нашемъ большомъ театрѣ пѣть въ 10 разъ легче, чѣмъ въ маріинскомъ театрѣ-манежѣ, а потому и легче было увидѣть всѣ достоинства г. Барцала. Онъ замѣчательно умѣетъ распоряжаться своими маленькими голосовыми средствами. Онъ никогда не ослабѣваетъ къ концу оперы, напротивъ, всегда бережетъ въ началѣ голосъ и даже въ послѣднее время сталъ злоупотреблять этимъ. Такъ, на дняхъ въ «Гугенотахъ» онъ 3 первыхъ акта велъ свою партію въ mezzo-voce, сберегая всю силу для 4-го акта. Отъ этого весь характеръ Рауля, вся партія представляется въ иномъ свѣтѣ. И г. Барцалъ, хорошій артистъ вообще, тутъ принесъ въ жертву игру — пѣнію. Но вообще одному тенору нести весь репертуаръ на своихъ плечахъ невозможно. Г. Барцалъ—прекрасный Элеазаръ, но уже отжившій Фаустъ и недостаточно энергичный Рауль. А замѣнить его рѣшительно некѣмъ. Додоновъ долженъ примириться съ тѣмъ, что его пѣсенка спѣта и кончить свою сценическую карьеру, опустивъ во время занавѣсъ, хотя уже и теперь немного поздно. Когда-то онъ былъ любимцемъ публики,— что же за охота пѣть теперь подъ всеобщее шиканье? Г. Корсовъ—тоже изъ вашихъ петербургскихъ пѣвцовъ. Почему онъ переходитъ въ Москву, намъ неизвѣстно. Прошлаго года онъ пріѣзжалъ, какъ бы «погостить» къ намъ, а съ нынѣшняго сезона какъ будто совсѣмъ зачислился въ штатъ московскихъ артистовъ. Репутація г. Корсова сдѣлана, сказать что-нибудь новое про него нельзя, онъ публику только и утѣшаетъ манерой, голоса у него осталось очень немного. Держитъ себя на сценѣ г. Корсовъ очень хорошо, носитъ костюмъ прекрасно, а рисовки, въ которой считаетъ долгомъ упрекнуть г. Корсова каждая мелкая газетка, у него никакъ не болѣе, чѣмъ, напримѣръ, у Котоньи, Васелли и др., которымъ изъ за того только, что они итальянцы, это не только не вмѣняется въ вину, но какъ бы ставится въ достоинство. Въ прошломъ году г. Корсовъ исполнилъ только одну большую баритонную партію Вильгельма Теля и исполнилъ мастерски, умно, но пѣлъ слишкомъ слабо.

Маленькія партіи—Валентина въ «Фаустѣ» и Невера въ «Гугенотахъ» онъ поетъ съ одушевленіемъ и играетъ очень хорошо. На игру въ оперѣ вообще не обращается никакого вниманія. Положимъ, тутъ самая опера представляетъ свои conventions, но нельзя же, напримѣръ, нарядиться царемъ, а самому быть просто г. Фюреромъ, какъ это дѣлаетъ нашъ первый басъ въ «Аидѣ», исполняя роль отца Амнерисы, Рамфиса. Онъ не даетъ ни малѣйшей иллюзіи зрителю, но положительно смѣшенъ въ костюмѣ. Голосъ у него незначительный басъ, партій своихъ не портитъ, но за то и оригинальнаго чего-нибудь создать не можетъ.

Вотъ съ какими силами русская опера встрѣтила нынѣшній сезонъ. Итальянской оперы не будетъ, это уже рѣшено. Значитъ, московская публика была обречена слушать снова г-жу Люценко въ Антонидѣ, г-жу Махину въ Людмилѣ и т. п. Весенніе дебюты не принесли никакого плода. Г-жа Зыкова—провинціальная пѣвица,— дебютировала съ большимъ успѣхомъ въ «Фаустѣ» и «Гугенотахъ»; но почему-то не была ангажирована и мы остались съ нашими безголосыми пѣвцами. Вотъ отчего Москва такъ обрадовалась дебютанткѣ г-жѣ Верни, которая пріѣхала въ Москву изъ Нижняго Новгорода, гдѣ пѣла во время ярмарки. Если бы какой-нибудь петербуржецъ, нисколько не предубѣжденный, не знавшій, какъ шла русская опера до сихъ поръ, попалъ въ московскій большой театръ на представленіе «Фауста» въ день дебюта г-жи Верни,— онъ былъ бы изумленъ. Неистовые аплодисменты, безчетные вызовы, маханіе платками... Дебютируй г-жа Верни въ маріинскомъ театрѣ, она бы не увидала и десятой доли тѣхъ овацій, которыми ее встрѣтила щедрая московская публика. За одну фразу во второмъ актѣ ее вызвали 2 раза. У г-жи Верни голосъ чистый, свѣжій,

ровный, но ей еще надо много работать, чтобы владѣть имъ совершенно свободно; держитъ она себя на сценѣ ни лучше, ни хуже, чѣмъ почти всѣ оперныя пѣвицы, такъ что подкупить и захватить сразу всю публику ей было невозможно. Но петербуржецъ понялъ бы хорошо, что одинъ только звукъ чистаго, свѣжаго голоса уже обрадовалъ и восхитилъ москвича, если бы зналъ чѣмъ была у насъ русская опера въ послѣдніе года. Г-жу Верни пригласили вступить въ число московскихъ артистокъ она согласилась. Это очень хорошее пріобрѣтеніе. И дирекція не въ убыткѣ. Г-жа Верни дѣлаетъ полные сборы, а получаетъ, навѣрное, вдвое меньше, чѣмъ какая-нибудь синьора Мантилла, при которой театръ бывалъ всегда пустъ. Г-жа Верни пѣла въ трехъ операхъ: «Фаустѣ», «Аидѣ» и «Гугенотахъ». Для перваго своего дебюта она взяла симпатичную и очень выгодную роль Маргариты. И это едва-ли не лучшая ея партія. По крайней мѣрѣ, она поетъ ее съ гораздо большей увѣренностью, чѣмъ Аиду и съ большимъ вкусомъ, чѣмъ Валентину. Наружность у нея сценическая: хорошій ростъ, выразительное лицо, чудные свѣтлые волосы. Какъ олицетвореніе идеала Маргариты Гёте, она, пожалуй, слишкомъ массивна и реальна, но какъ настоящая нѣмецкая Гретхенъ, она подходитъ къ ней даже и фигурой. Въ «Аидѣ» г-жѣ Верни, конечно, многаго не достаетъ, все это достигнется со временемъ, но что ей очень легко исправить—это костюмъ. Положимъ, это пустяки, но пустяки, дѣлающіе очень непріятное впечатлѣніе. У г-жи Верни костюмъ Аиды, мало того что фантастиченъ, но и безвкусенъ. Для Валентины въ «Гугенотахъ» у г-жи Верни есть достаточно силы и звучности голоса, но она поетъ эту партію безъ оттѣнковъ, слабо. И отчего бы этой молодой пѣвицѣ не попробовать своихъ силъ въ русскомъ репертуарѣ. Мы не хотимъ здѣсь пропагандировать, тѣмъ меньше думаемъ учительствовать, но не можемъ не сказать, что русской пѣвицѣ со средствами г-жи Верни необходимо надо бы пѣть русскія оперы. И Антонида въ «Жизни за царя», и Людмила въ «Русланѣ», и Наташа въ «Русалкѣ» все было бы ей подъ силу. Москвѣ пріѣлся уже весь итальянскій репертуаръ, на каждомъ шагу слышатся сравненія со звѣздами, создавшими ту или другую роль. Конечно, это не можетъ быть поводомъ отказаться пѣть Мейербера и Гуно, но зачѣмъ же во имя ихъ забывать о Глинкѣ, Даргомыжскомъ и другихъ? И такъ ужь имъ отведено второстепенное мѣсто тѣмъ, что дирижировать въ ихъ операхъ некому. Главный капельмейстеръ русской оперы у насъ — итальянецъ г. Бевиньяни. Капельмейстеръ, правда, очень хорошій, но съ русскою оперной музыкой совсѣмъ незнакомый, а потому и поддерживающій на репертуарѣ всѣ тѣ оперы, которыми онъ привыкъ дирижировать съ итальянцами. Можетъ быть, г. Бевиньяни, оставшись постояннымъ капельмейстеромъ при московской оперѣ, разучитъ и русскія оперы, какъ онъ и сдѣлалъ съ «Демономъ» Рубинштейна, — не знаемъ, но пока онъ дирижируетъ только иностранными операми, предоставляя русскія тремъ нашимъ маэстро — гг. Мертену, Мамонтову и Щуровскому. Но съ ними русская опера далеко не пойдетъ. Оркестръ съ г. Мертеномъ во главѣ—не узнаваемъ. Хоры идутъ вяло, нерѣдко въ разрѣзъ съ оркестромъ. Что онъ сдѣлалъ съ чудной увертюрой «Руслана»! Не выдержалъ темпа, стушевалъ всѣ оттѣнки и кончилъ уже совсѣмъ небрежно. Гг. Мамонтова и Щуровскаго публика не знаетъ; они только для дебюта дирижировали оркестромъ и приняты капельмейстерами въ русскую оперу. А потому намъ, должно быть, предстоитъ сезонъ съ тѣми же самыми операми, какъ и въ прошломъ году, только въ ограниченномъ числѣ и на русскомъ языкѣ. Говорятъ о постановкѣ «Бала-Маскарада», «Пророка», «Риголетто» и «Гуарани».

А пока, 22 октября, въ бенефисъ г. Бевиньяни дана была опера А. Рубинштейна «Демонъ». Въ Петербургѣ она была уже поставлена въ 1875 году. Намъ долго пришлось ждать ее. Театръ, не смотря на тройныя цѣны, былъ биткомъ набитъ. Бенефицианта любятъ, да и интересъ къ русской оперѣ, какъ видно, просыпается въ Москвѣ. Но публика отнеслась къ «Демону» крайне сдержанно. Говорятъ и въ Петербургѣ было то же. Намъ кажется, что тутъ имѣетъ сильное вліяніе взглядъ каждаго русскаго образованнаго зрителя на «Демона» Лермонтова. Отъ музыки на это либретто каждый невольно требуетъ чего-то титаническаго, необыкновенно смѣлаго, фантастическаго. Ничего подобнаго нѣтъ въ музыкѣ Рубинштейна. Но за то въ оперѣ есть мелодичность, оригинальный восточный колоритъ, который окрашиваетъ всего «Демона» совершенно своеобразно. Хоръ грузинокъ, танцы, партія Синодала, все это чисто восточная музыка, знаніемъ которой г. Антонъ Рубинштейнъ такъ зарекомендовалъ себя.

На первомъ же представленіи «Демонъ» прошелъ съ одушевленіемъ. Опера поставлена и срепетирована очень старательно. Оркестръ, благодаря труду бенефицианта, не смотря на свою неполноту и отсутствіе нужныхъ силъ, исполнилъ свою часть блистательно. Хоры разучены подъ руководствомъ г. Мамонтова и имъ можно сдѣлать одинъ только упрекъ—въ прологѣ, въ облакахъ голосовъ совсѣмъ не слышно; но за то заздравный хоръ второго дѣйствія былъ исполненъ необыкновенно дружно и даже повторенъ по требованію публики. Этого, говорятъ, въ Петербургѣ не случалось. Партія Тамары исполняется г-жею Верни. Съ первыхъ же нотъ она показала, что у нея достаточно и силы, и красоты голоса для этой неблагодарной роли. Во второмъ актѣ она нѣкоторыми фразами покрывала и хоръ и оркестръ. И не смотря на то, что у нея, какъ видно и по игрѣ, нѣтъ еще большой привычки къ сценѣ, она поетъ не утомляясь и сохраняя до конца всю силу и свѣжесть голоса. Но играетъ г-жа Верни и некрасиво, и невѣрно. Она ни минуты не олицетворяла собой грузинку Тамару, напоминая все время бойкую русскую барышню средней руки.

Съ ролью демона г. Корсовъ справился лучше, чѣмъ можно бы ожидать. Это одна изъ самыхъ трудныхъ партій и по музыкѣ, и по игрѣ. Въ оперѣ это музыкальное лицо не удалось г. Рубинштейну, а по отсутствію въ немъ реальности — большая задача для исполнителя. И Корсовъ довольно удачно разрѣшилъ ее. Игралъ онъ, какъ всегда, умно, обдуманно, даже художественно. Пѣлъ же гораздо слабѣе. Въ прологѣ, когда онъ появляется на скалѣ, его почти не слышно, оркестръ совершенно заглушаетъ его; такъ и въ первой аріи, обращенной къ Тамарѣ, выдѣлилась только красивая, прошедшая черезъ всю оперу фраза «И будешь ты царицей міра», которую каждый разъ г. Корсовъ оттѣнялъ и произносилъ очень эфектно. Къ концу г. Корсовъ замѣтно «распѣлся» и на его долю выпала большая часть успѣха.

Небольшую, но характерную партію князя Синодала г. Барцалъ провелъ прекрасно. Онъ и пѣлъ, и игралъ со вкусомъ, изящно. Г-жа Святловская исполнила незначительную партію ангела очень добросовѣстно. Эта маленькая партія немного однообразна, но она оставляетъ очень цѣльное впечатлѣніе кротости и прощенія. Роль князя Гудала пѣлъ г. Фюреръ.

Обставлена опера вся заново. Это производитъ очень пріятное впечатлѣніе и для Москвы рѣдкость. Всѣ костюмы, до послѣдняго хориста, съ иголочки; всѣ декораціи вѣрны и красивы, кромѣ грязныхъ облаковъ первой картины пролога. Меньше всего удались танцы, они очень плохо поставлены и не доставляютъ никакого удовольствія; по самой оперѣ они слишкомъ длинны, хотя, какъ отдѣльный музыкальный отрывокъ, красивы замѣчательно, а вторая половина и очень характерна. Но въ представленіи оперы, да еще при плохой постановкѣ они утомительны.

Самый большой успѣхъ выпалъ на долю бенефицианта; его засыпали вѣнками и подарками. Онъ и стоитъ этого. Г. Бевиньяни еще разъ доказалъ, что онъ энергичный и опытный музыкантъ. Если бы онъ всталъ во главѣ русской оперы, можно надѣяться, что онъ повелъ бы дѣло гораздо лучше, чѣмъ шло оно до сихъ поръ. И г. Бевиньяни старался объ этомъ. Прошлою весною онъ и г. Безекирскій обратились къ дирекціи съ предложеніемъ взять на себя русскую оперу. У нихъ были широкіе замыслы—собрать все, что есть самаго лучшаго изъ русскихъ пѣвцовъ и пѣвицъ въ Россіи и заграницей. Былъ проектъ пригласить г-жъ Лавровскую и Енгалычеву, усилить оркестръ... Но для этого требовалась гарантія на нѣсколько лѣтъ. Дирекція же разрѣшила взять русскую оперу всего на одинъ годъ. Такое разрѣшеніе было равносильно отказу. Ни г. Бевиньяни, ни г. Безекирскій не захотѣли рисковать набирать труппу на одинъ годъ... Можетъ быть, успѣхъ «Демона» откроетъ дорогу и «Маккавеямъ», и «Юдифи», и «Анджело» и многимъ другимъ русскимъ операмъ. Отъ души желаемъ, чтобы это было такъ.

Золото и имя.

(Романъ г-жи Шварцъ.)

(*Продолженіе.*)

XVI.



Оставшись одна, Эльвира прочла слѣдующее письмо:

«Леди Кастертонъ! Во второй разъ въ жизни рѣшаюсь я писать вамъ. Понявъ, что любилъ прекрасный призракъ, созданный воображеніемъ, я принужденъ сознаться въ ошибкѣ. Я смотрѣлъ на васъ, какъ на образецъ вполнѣ хорошей женщины, обладающей добрымъ, чистымъ, возвышеннымъ, любящимъ сердцемъ; твердымъ, но преданнымъ, гордымъ, но готовымъ на всякую жертву характеромъ. Мнѣ казалось, что какъ бы сильно ни угнетала судьба человѣка, съ вами онъ долженъ былъ пользоваться полнымъ счастьемъ, спокойствіемъ и благословеніемъ. Вотъ какова была Эльвира, для которой я пожелалъ однажды жить или умереть... Мы разстались. Когда мы встрѣтились снова, вы были женою моего лучшаго друга; тогда еще многое въ васъ не нравилось мнѣ, но я думалъ, что, сдѣлавшись старше, вы съумѣете достойнымъ образомъ разрѣшить эту трудную задачу... Я ошибся, воображая, что женщина, которую я любилъ, должна была сдѣлаться примѣрной женой; вы обманули мои ожиданія, покинувъ мужа, выбраннаго вами добровольно... Прошли два года, впродолженіи которыхъ я ни разу не терялъ васъ изъ виду. Вы вели уединенную жизнь, но въ разлукѣ съ мужемъ, котораго равнодушно допустили предаться непозволительной склонности, обвиняя его во всемъ, не стараясь даже отыскать причину зла. Любя васъ и страдая отъ каждой вашей ошибки, каждаго промаха я рѣшился посѣтить васъ. «Она молода, неопытна, думалъ я, рѣшаясь пріѣхать и поговорить съ вами, какъ преданный другъ, и не имѣетъ друзей, которые могли бы посовѣтовать ей перемѣнить образъ жизни»... Я пріѣхалъ съ полной надеждой сдѣлать доброе дѣло, думая, что слова мои не пропадутъ даромъ... Прошло нѣсколько мѣсяцевъ; Кастертонъ про-

ИНОСТРАННАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА БЕЙЛЯ.

Лѣтняя сценка.

Рѣзалъ на деревѣ А. Шлиперъ въ С.-Петербургѣ.

должалъ жить въ Швеціи; я успокоился, надѣясь, что между вами произошло сближеніе. Маркиза умерла. Пробывъ нѣсколько времени на вашей родинѣ, Кастертонъ неожиданно вернулся въ Англію безъ васъ и сталъ неутомимо работать. Ахъ, миледи, мнѣ даже тяжело вспомнить, какъ безсердечно мучали вы его, внезапно исчезая, какъ только онъ пріѣзжалъ на мѣсто вашего жительства. Въ то время, когда соотечественники, прозвавшіе его защитникомъ свободы, съ восторгомъ прислушивались къ его пламеннымъ рѣчамъ въ парламентѣ, въ которыхъ онъ ратовалъ за прогрессъ,—вы, его жена, старались сдѣлать изъ него предметъ тайной насмѣшки и злословія. Въ то время, когда англичане благоговѣли передъ нимъ, какъ передъ рѣдкимъ талантомъ, вы насмѣхались надъ нимъ, какъ надъ дуракомъ, не понимая, что вѣчные булавочные уколы раздражатъ наконецъ и его. Неужели вы не могли догадаться, что этимъ никогда не достигнете ожидаемаго результата; вамъ было мало того, что вы подавали поводъ къ сплетнямъ, вы захотѣли открытаго скандала и для этого вы, жена лорда Кастертона, рѣшились выступить на сцену. Благодарите Бога и мужа за то, что вамъ не удалась ваша затѣя... Вотъ краткій очеркъ вашихъ дѣйствій. Никакая побудительная причина не можетъ извинить или оправдать васъ. Неужели вы думали что, разведясь съ лордомъ Кастертономъ, вы были бы счастливы съ человѣкомъ, ради котораго намѣревались компрометировать себя и имя, которое носите. Нельзя назвать честнымъ человѣка, который способенъ посовѣтовать замужней женщинѣ поступить съ мужемъ такъ, какъ поступали вы. Извините за рѣзкое выраженіе, но такого совѣтчика нельзя назвать иначе, какъ бездѣльникомъ. Повѣрьте, на другой день свадьбы съ нимъ, вы поняли бы, что онъ отомститъ вамъ за лорда Кастертона... Я не знаю на что рѣшится Кастертонъ; знаю только, что прежнее мое расположеніе побуждаетъ меня предостеречь васъ и дать вамъ совѣтъ дѣйствовать болѣе осмотрительно. Сомнѣваюсь, чтобы вы и теперь обратили вниманіе на мои совѣты, но всетаки скажу вамъ, берегитесь оскорблять вашего мужа; если вы доведете его до крайности, онъ можетъ возвратить вамъ вашу свободу, но цѣною своей жизни... Будьте здоровы, леди Кастертонъ! Мы скоро увидимся, но вы извините меня, если не найдете во мнѣ прежняго преданнаго друга Сиднея Лембурна».

Уронивъ письмо Эльвира отчаянно вскрикнула:

— Онъ тоже осуждаетъ меня! О, Боже, что я надѣлала! Съумѣю-ли я когда-нибудь исправить сдѣланное зло... Но что онъ подразумѣваетъ, говоря, что, разведясь съ мужемъ, я хотѣла отдать руку другому.

Прочитавъ еще разъ эту часть письма она прошептала, сложивъ руки:

— Богу извѣстно, что обвиненіе фальшиво; я никогда не руководилась грязными недостойными чувствами. Что хочетъ онъ этимъ сказать? Кого же люблю я?

Спрятавъ письмо, Эльвира отворила дверь стучавшейся горничной, которая подала ей слѣдующую записку лорда:

«Я желаю, чтобы вы сами отказали своей прислугѣ; прошу васъ заняться этимъ до завтрака. Считаю долгомъ сообщить вамъ, что ваша переписка будетъ проходить чрезъ мои руки; хладнокровно обсудивъ, вы въ этомъ не будете находить для себя оскорбленія. Сегодня же мы начнемъ играть новыя роли; старайтесь казаться веселой и счастливой; этимъ вы избавите насъ отъ всеобщаго любопытства. До сихъ поръ вы всѣмъ жертвовали для эгоизма, въ будущемъ вы должны будете принести много жертвъ для сохраненія внѣшности. Черезъ часъ я буду у васъ; надѣюсь, что къ тому времени вы избавите меня отъ присутствія вашей прежней прислуги въ моемъ домѣ; я уже нанялъ новую.

Эдвинъ Кастертонъ».

Придя къ завтраку Эдвинъ нашелъ Эльвиру наружно спокойною, несмотря на блѣдныя щеки, заплаканные глаза и томное выраженіе лица, что ясно говорило о проведенной ею безсонной ночи; молодая женщина заботливо принаряжилась. Эдвинъ легко могъ замѣтить, по кроткому виду Эльвиры, что она рѣшилась подчиняться его волѣ. Обращеніе его было холодно, осанка горделива, лице до того суровое, что молодая женщина внутренно содрогнулась.

XVII.

Много горькихъ дней пришлось пережить Эльвирѣ, но она все переносила съ удивительнымъ терпѣніемъ.

Лордъ Кастертонъ, почти не участвовавшій въ свѣтской жизни, а посвящавшій свое время парламенту, учебнымъ занятіямъ и путешествіямъ, сталъ вести теперь совсѣмъ другой образъ жизни. Лордъ и леди Кастертонъ присутствовали на всѣхъ празднествахъ, балахъ, концертахъ и первыхъ представленіяхъ, и часто принимали гостей у себя въ домѣ. Старая исторія вскорѣ была позабыта и въ обществѣ толковали только о великолѣпіи, какимъ лордъ Кастертонъ окружалъ свою супругу. О ней говорили, какъ о женщинѣ любезной и привлекательной. Никому не удавалось замѣтить тучъ на ея лбу или дурное расположеніе духа; всегда веселая на видъ, она, понятно, не могла быть несчастлива. Никто не вѣрилъ слуху, что между супругами идетъ разладъ.

Свѣтъ видѣлъ оборотную сторону медали. Исполняя желаніе лорда Кастертона, Эльвира обманывала всѣхъ разъигрывая роль счастливой супруги. Она, строже другихъ, осуждала свои поступки. Эдвинъ относился къ ней или холодно повелительно, или холодно вѣжливо, но никогда не былъ сердеченъ или дружественъ, она знала впередъ, что если ему случалось быть съ нею ласковѣе, то вслѣдъ за тѣмъ онъ становился еще сдержаннѣе, какъ бы раскаяваясь въ своей слабости.

Но болѣе всего мучило Эльвиру и увеличивало ея страданія постоянныя встрѣчи съ Сиднеемъ, Мартой и Карломъ Брогреномъ.

Сидней старательно избѣгалъ столкновеній съ нею; при встрѣчѣ, они обмѣнивались только учтивыми фразами и спѣшили разойдтись. Онъ видимо интересовался Мартою Стангенскіольдъ, которая цѣлый годъ жила въ Лондонѣ. Трудно было Эльвирѣ, при всемъ ея самообладаніи, принуждать себя спокойно переносить встрѣчу съ Мартою, овладѣвшею, по ея мнѣнію, любовью Эдвина и возбудившей интересъ Сиднея. Правда, Эдвинъ не считался болѣе обожателемъ Марты, но все же Эльвирѣ казалось, что и до сихъ поръ Марта занимаетъ его мысли: лице Эдвина прояснялось каждый разъ, когда онъ говорилъ съ Мартою. Эльвира страдала, замѣчая, что одной Мартѣ удавалось вызвать тѣнь радости на его строгое серьезное лице.

Армида никогда не говорила о Мартѣ и Эдвинѣ; но упоминая о Сиднеѣ, приводила его слова изъ которыхъ было ясно, что Эдвинъ очень часто посѣщалъ Марту.

Но сильнѣе всѣхъ мучилъ Эльвиру Карлъ Брогренъ, терзая ее своимъ навязчивымъ вниманіемъ и вѣчнымъ напоминаніемъ о мрачной, непроницаемой тайнѣ рожденія Эльвиры. Карлъ служилъ при шведскомъ посольствѣ въ Лондонѣ, почему могъ вращаться въ высшемъ кругу общества и встрѣчать тамъ Эльвиру. Онъ присутствовалъ на всѣхъ спектакляхъ и прогулкахъ, гдѣ была она, и преслѣдовалъ ее пылкими взглядами, изъ которыхъ лордъ Кастертонъ легко могъ заключить, что между нимъ и Эльвирой существуетъ прежняя симпатія. Эльвира старалась избѣгать его, но напрасно, онъ постоянно снова находился на ея дорогѣ. На ея явное презрѣніе, Карлъ отвѣчалъ улыбкой и продолжалъ слѣдить за нею, какъ тѣнь. Она съ удовольствіемъ отказалась бы отъ выѣздовъ, чтобы избавиться отъ этого мучителя, но принуждена была слѣдовать за мужемъ. Если иногда, не надѣясь на свои силы, Эльвира пробовала отказаться отъ общественной жизни, Эдвинъ напоминалъ ей, что выѣзды необходимы и она покорялась. Эдвинъ намѣренно возилъ ее въ тѣ мѣста, гдѣ она могла встрѣтиться съ Карломъ; ему, казалось, доставляло удовольствіе видѣть ихъ вмѣстѣ.

Насталъ конецъ сезона. У шведскаго посланника собрался кружокъ близкихъ знакомыхъ. Между гостями находилась Марта. Она и Сидней занимались разсматриваніемъ гравюръ. Ихъ особенно заинтересовала одна, представлявшая Магдалину. Лице кающейся красавицы было чрезвычайно мило.

— Не можете-ли вы сказать мнѣ, на кого похожа эта Магдалина, спросила Марта, пристально смотря на Сиднея.

— Не будь въ этомъ лицѣ такого выраженія унынія и грусти, оно имѣло бы сходство съ леди Кастертонъ, отвѣчалъ, смутившись, Сидней.

— Сэръ, вы должно быть не смотрѣли на леди Кастертонъ съ тѣхъ поръ, какъ она замужемъ; мнѣ кажется, она сильно поблѣднѣла отъ тайно пролитыхъ слезъ. Неужели вы не замѣчаете на ея лицѣ страданія.

— Вы заблуждаетесь, миссъ Стангенскіольдъ, отвѣчалъ Сидней.—Лице леди Кастертонъ, такъ спокойно, что трудно замѣтить на немъ выраженіе страданія.

— Посмотрите на нее.

Сидней посмотрѣлъ на Эльвиру, сидѣвшую на маленькомъ диванѣ, она разговаривала съ какимъ-то старичкомъ. Взгляды ихъ встрѣтились; въ ея глазахъ было столько грусти, что Сидней поспѣшно отвернулся.

— Ну, что-же, кажется она вамъ теперь счастливою? спросила Марта.

— Леди Кастертонъ должно быть нездорова сегодня, отвѣчалъ Сидней.

— Знаете на кого она похожа? На мученицу, рѣшившуюся умереть съ улыбкою на губахъ и унести въ могилу тайну, убивающую ее.

— Теперь, какъ и прежде, осмѣливаюсь утверждать, что ваше воображеніе вводитъ васъ въ заблужденіе. Эта блѣдность вызвана простудою, мигренью или зубною болью; вы же съ обыкновенною женскою изобрѣтательностью составили цѣлый романъ.

— Въ самомъ дѣлѣ жизнь ея настоящій романъ, замѣтила Марта.

— Да, много романическаго заключается въ томъ, что ей удалось, не смотря на опасность, которой подвергался ея мужъ отъ знакомства съ одной хорошенькою дамою, завоевать его любовь, сказалъ Сидней съ тонкою улыбкою.

— Сэръ, вамъ, какъ и мнѣ, хорошо извѣстно, что леди Кастертонъ не слишкомъ высоко цѣнитъ любовь мужа, ее скорѣе убиваетъ жизнь съ нимъ.

— Вы становитесь злы, миссъ Стангенскіольдъ, сказалъ Сидней,—а злость совсѣмъ не идетъ къ вамъ.

— Я не зла, а только справедлива. Любить и быть разлученною съ тѣмъ, кого любишь, это земной адъ; вотъ почему я жалѣю ее отъ души.

— Согласенъ, но леди Кастертонъ любитъ мужа, сказалъ Сидней съ увѣренностью.

— И это говорите мнѣ вы! воскликнула Марта.—Вамъ, можетъ быть, хочется увѣрить меня въ томъ, чему вы сами не вѣрите?

— Я не намѣренъ увѣрять васъ, холодно

сказалъ Сидней,—а передаю вамъ свое убѣжденіе.

— Невозможно, чтобы вамъ не было извѣстно, кому принадлежитъ сердце миледи. Ахъ, сэръ, вы право непростительно слѣпы!

— Позвольте прекратить этотъ разговоръ, миссъ Стангенскіольдъ,—мнѣ больно, что вы желаете набросить тѣнь на вашу соотечественницу. Я постоянно наблюдаю леди Кастертонъ и могу васъ увѣрить, что ваши намеки, будто она любитъ другого, а не мужа, выдумка, основаніе которой лежитъ въ навязчивости дурака. Теперь только я понялъ, какъ сильно презираетъ она человѣка, желающаго показать свѣту, что онъ съ нею на короткой ногѣ.

— Вы подразумѣваете Брогрепа, прервала его Марта;—ни одному здравомыслящему человѣку не придетъ эта мысль въ голову: Эльвира слишкомъ ясно высказываетъ, какъ ей непріятна его навязчивость. Ясно, какъ день, онъ открыто ухаживаетъ за нею изъ желанія компрометировать ее за то, что она не благоволитъ къ нему болѣе.

— Очень радъ, что вы хотя на этотъ разъ поняли положеніе леди, сказалъ Сидней.

— Да это также вѣрно, какъ то, что она любитъ васъ.

Въ злости женщины много демонскаго; зная мужскую слабость, Марта понимала, что сказанныя слова отзовутся въ душѣ Сиднея, возбуждая въ немъ чувства и желанія, съ которыми трудно справиться строгому разсудку.

Забросивъ эту искру въ сердце Сиднея, Марта хотѣла удалиться; тутъ только замѣтила она Эдвина, стоящаго за ея стуломъ. Большіе глаза ея заблестѣли отъ радости; она поняла, по его мрачнымъ взорамъ, что онъ слыхалъ конецъ ея разговора съ Сиднеемъ.

— Знаете-ли вы, милордъ, сказала она,—о чемъ мы сейчасъ спорили съ сэромъ Лембурномъ?

— Нѣтъ, даже отгадать не могу, отвѣчалъ Эдвинъ.

— О вашей супругѣ.

— Въ такомъ случаѣ, вы позволите мнѣ узнать, о чемъ именно вы спорили, замѣтилъ Эдвинъ, облокачиваясь на стулъ Марты.

— Охотно. Я утверждаю, что леди Кастертонъ очень измѣнилась съ тѣхъ поръ, какъ живетъ въ Лондонѣ, она кажется больною. Посмотрите на нее сами и скажите, права я или нѣтъ?

Эдвинъ посмотрѣлъ на Эльвиру, дѣйствительно казавшуюся больною въ этотъ вечеръ.

— Я говорила, что англійскій воздухъ нездоровъ для леди, продолжала Марта.

— Какого мнѣнія былъ Лембурнъ? спросилъ Эдвинъ, не спуская глазъ съ Эльвиры.

— Сэръ Сидней не замѣчаетъ блѣдности леди, онъ находитъ невозможнымъ, чтобы она страдала какою-нибудь болѣзнью, даже оскорбленъ мыслью, что англійскій воздухъ можетъ причинить кому-нибудь вредъ.

Марта посмотрѣла на Сиднея, положившаго передъ собою гравюру.

— Я съ своей стороны, продолжала она,—намѣрена вернуться въ Швецію по окончаніи сезона, чтобы подышать болѣе свѣжимъ воздухомъ и избавиться отъ нездоровья, которымъ я обязана климату Англіи. Рѣшите, милордъ, кто правъ: я или сэръ Сидней? Здорова или больна, леди Кастертонъ?

— Правы кажется вы, отвѣчалъ Эдвинъ,—хотя блѣдность миледи случайная, она происходитъ отъ жары и усталости...

— Однимъ словомъ, вы хотите сказать что не замѣчали прежде этой блѣдности, прервала его Марта.—Ахъ милордъ, это не дѣлаетъ вамъ чести; я давно уже замѣтила, какъ перемѣнилась ваша жена.

Нѣсколько дамъ подошли къ столу, у которого сидѣла Марта и завели разговоръ о послѣднихъ преніяхъ въ нижней палатѣ, о войнѣ и мирѣ. Политическія пренія дамъ не могли особенно интересовать Сиднея и Эдвина и они отошли отъ дамъ, какъ только это дозволила вѣжливость. Эдвинъ удалился съ членомъ парламента, выжидавшимъ удобную минуту для сообщенія ему чего то важнаго; Сидней подошелъ къ Эльвирѣ.

Прошли мѣсяцы послѣ послѣдняго ихъ разговора; постоявъ нѣсколько времени у дивана, онъ занялъ мѣсто удалившагося старичка.

— Какъ чувствуете вы себя сегодня, миледи? спросилъ Сидней.—Вы блѣдны, и это безпокоитъ вашихъ друзей.

— Моихъ друзей, сэръ? спросила Эльвира съ горькою улыбкою.—Неужели нашелся человѣкъ, безпокоющійся о моемъ здоровьѣ?

— Вы имѣете болѣе друзей, чѣмъ полагаете, леди Кастертонъ, увѣрялъ ее Сидней.

— Вотъ какъ! Я этого не знала, сказала Эльвира.—Въ такомъ случаѣ потрудитесь передать моимъ неизвѣстнымъ друзьямъ, что я совершенно здорова и имъ нечего бояться моей блѣдности; право она сегодня нисколько не усилилась.

Изъ залы послышались акорды, кто-то запѣлъ, Эльвира встала.

— Позволите мнѣ проводить васъ туда? спросилъ Сидней.

Идя съ нимъ подъ руку Эльвира прошла мимо окна, у котораго, углубясь въ серьезный разговоръ, сидѣлъ Эдвинъ; увидя жену и Сиднея, онъ проводилъ ихъ глазами.

Музыка собрала въ залѣ почти всѣхъ гостей. Произошла небольшая суматоха; пользуясь ею кто-то тронулъ Марту за рукавъ и сказалъ ей на ея родномъ языкѣ:

— Вы такъ часто слышали этотъ дуэтъ, что ничего не потеряете если не услышите его сегодня. Прошу васъ подарить мнѣ нѣсколько минутъ.

Марта живо обернулась; около нея стоялъ капитанъ Штромъ.

— Въ самомъ дѣлѣ я такъ часто слыхала этотъ дуэтъ, что очень рада избавиться отъ выслушиванія его еще разъ, сказала Марта;—но помните, вы должны настолько занять меня, чтобы время прошло незамѣтно, иначе вы заслужите мою немилость.

— И потеряю возможность нарисовать ваше прекрасное лице.

— Я говорила вамъ, что никогда не позволю нарисовать мой портретъ; вы даромъ теряете слова.

Марта была удивительно мила въ эту минуту.

— Вы неправы, отказывая мнѣ въ позволеніи срисовать вашъ портретъ; вашъ отказъ возбудитъ во мнѣ такое сильное желаніе нарисовать ваши черты, что я принужденъ буду заставить васъ быть моей женой.

— Я бы могла разсердиться на ваши слова, но, я знаю, вы неисправимый оригиналъ.

— Однако вы не разсердитесь и не откажетесь исполнить мою просьбу.

— Никогда.

— Вамъ вѣрно хочется быть моей женой?

— Г. капитанъ! строго прервала его Марта.

— Я знаю все, что вы хотите сказать, продолжалъ капитанъ, не обращая вниманія на выраженіе лица Марты.—Вы меня не любите, потому что любите лорда Кастертона.

— Вы, какъ я вижу, намѣрены оскорблять меня, сказала Марта вставъ со стула.

— Умоляю васъ, м-ль Стэнгенскіольдъ, выслушайте меня спокойно. Вамъ извѣстно, что я невоспитанный африканскій дикарь, проведшій полжизни на полѣ битвы, а другую въ своей мастерской, поэтому вы должны быть снисходительны къ моей откровенности.

— Вы переступаете границы откровенности...

— Я говорю только правду, прервалъ капитанъ, улыбаясь;—я принужденъ высказать вамъ это для того, чтобы мы скорѣе поняли другъ друга.

— Не считаю это необходимостью.

— Неужели вы, обладающая достаточною опытностью, не поняли съ самаго начала, что сильный интересъ принудилъ меня представиться вамъ?

— Интересъ художника къ модели, сказала Марта;—да, я поняла съ перваго раза и рѣшила, что не буду этой моделью.

— Если-бы во мнѣ говорило одно желаніе артиста, то повѣрьте я обратился бы къ леди Кастертонъ. Вы прекрасны, но ея лице гораздо болѣе подходитъ къ моей картинѣ; еслибы я придалъ ея лице дѣвушкѣ, стоящей на колѣняхъ около умирающаго воина, картина вышла бы чрезвычайно эфектна.

— Отчего же не обратитесь вы къ леди Кастертонъ? спросила Марта и въ голосѣ ея слышалась нота досады: ей не нравились похвалы Эльвирѣ.

— Я не согласенъ съ вами. Снять портретъ съ васъ я могу каждую минуту, стоитъ только захотѣть, съ нея же никогда. Вы должны понять, что я искалъ встрѣчи съ вами не какъ художникъ, а какъ человѣкъ, желающій изучить васъ.

— Для чего?

— Чтобы заслужить ваше благоволеніе и жениться на васъ.

— Еще разъ повторяю, вы оскорбляете меня!

— Чѣмъ же? спросилъ Штромъ.

— Тѣмъ, что говорите дерзости.

— Развѣ ухаживаніе лорда Кастертона, женатаго человѣка, менѣе дерзко. Да, Марта, я достаточно изучилъ вашу ненависть и ваши интриги, и считаю себя вправѣ говорить съ вами вполнѣ откровенно. Мнѣ извѣстно, къ какимъ средствамъ вы прибѣгали, чтобы разлучить леди Кастертонъ съ мужемъ. Вы вовсе не любили лорда Кастертона, онъ служилъ только орудіемъ вашей ненависти къ его женѣ. Какъ думаете, выиграете вы въ его глазахъ, если я разоблачу ему ваши интриги. Еще я могу разсказать ему, что вы проиграли большую часть состоянія вашего отца, что не позволяетъ ему покинуть Скогофъ.

Сильно поблѣднѣвшая Марта со страхомъ смотрѣла на Штрома; всякій слѣдъ гордости и высокомѣрія исчезъ съ ея лица.

— Все это я могу сдѣлать, продолжалъ Штромъ равнодушнымъ голосомъ,—но не дѣлаю потому, что весь мой интересъ заключается въ вашей личности. Въ тотъ моментъ, когда судьба свела насъ, я рѣшилъ, что мы соединимся неразрывными узами. Васъ кажется пугаетъ эта мысль; будьте однако увѣрены, меня ничего не остановитъ.

— Я скорѣе убью себя, чѣмъ соглашусь выйти за васъ замужъ, увѣряла Марта.

— Вы сами себя обманываете, Марта; у васъ не хватитъ характера на сильный поступокъ, какъ на дурной, такъ и на хорошій; вы имѣете много недостатковъ. Выйдя сегодня за лорда Кастертона, вы завтра перестанете любить его; теперь васъ привлекаютъ къ нему затрудненія и побѣда надъ его женой: удайся ваша интрига,—повѣрьте съ нимъ случилось бы тоже, что съ вашимъ прежнимъ женихомъ, онъ потерялъ бы всякій интересъ въ вашихъ глазахъ. Вы рѣшились пожертвовать деньгами и совѣстью, чтобы украсть у Эльвиры его любовь и заставить его разойтись съ женой. Но знайте, Кастертонъ никогда не согласится на разводъ, никогда не предложитъ вамъ руку и имя; очарованіе его давно прошло, онъ пересталъ восхищаться вами. Конечно, вы прекрасны, но далеко не обладаете искуствомъ удерживать завоеванное сердце. Мнѣ

остается только прибавить, что я внимательно буду слѣдить за вашими поступками и тайными мыслями, пока мнѣ не удастся доказать вамъ, что вы въ моей власти и должны сдѣлаться моей женою, для избѣжанія опасности. Потрудитесь взять мою руку и позвольте проводить васъ въ залу; вы поблѣднѣли отъ воспоминанія о Скокгофѣ, музыка возвратитъ румянецъ вашимъ щекамъ.

Марта встала и направилась въ залу, не взявъ руки капитана, идущаго за нею съ зловѣщею улыбкою.

XVIII.

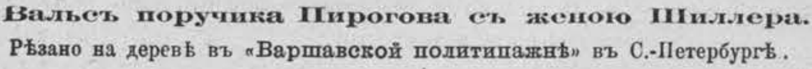
Марта, вернувшись домой, сѣла писать къ отцу.

знакомства внушилъ мнѣ страхъ; казалось, онъ явился нарочно, чтобы посмѣяться надо мною и любимымъ человѣкомъ. Первое чувство, внушенное имъ мнѣ, было предчувствіе большой непріятности... Намъ остается одинъ способъ противодѣйствія: надо постараться разузнать объ его прежней жизни. Какая-то особенная причина заставила его удалиться изъ отечества, вѣроятно, онъ совершилъ что-нибудь дурное. Имя его Арвидъ Штромъ; онъ покинулъ Швецію молодымъ человѣкомъ, мнѣ не удалось узнать въ которомъ году; кажется, онъ родился въ Шонахъ; отецъ его былъ помѣщикомъ. Вообще, о его прежней жизни, до отъѣзда изъ Швеціи, почти ничего не-

мыслію, что наши интересы никогда не сойдутся, что ты никогда не поймешь, какъ сильно я люблю тебя. Тебѣ не удастся достигнуть цѣли, не смотря на всѣ мои старанія, если не придумаешь новаго, болѣе дѣйствительнаго средства. Марта, бывшая съ нами заодно, пока разсчитывала на выгоды отъ распущенныхъ нами слуховъ, теперь перемѣнила тактику, устроивъ съ обыкновенною хитростью новый планъ для достиженія своихъ цѣлей. Планъ, придуманный ею, очень опасенъ тѣмъ, что можетъ устранить тебя окончательно. Я подслушала сегодня разговоръ между нею и сэромъ Сиднеемъ, относящійся къ Эльвирѣ. Тебѣ извѣстно, какъ онъ послѣднее время интересовался Мар-

РУССКАЯ ГАЛЕРЕЯ.

КАРТИНА КЕППЕНА.



Вальсъ поручика Пирогова съ женою Шиллера.

Рѣзано на деревѣ въ «Варшавской политипажнѣ» въ С.-Петербургѣ.



Вотъ что, между прочимъ, писала она ему:

«Я уже говорила тебѣ о капитанѣ Штромѣ; ты, вѣроятно, помнишь мое описаніе вечера, въ который онъ былъ мнѣ представленъ, потому не считаю нужнымъ описывать снова нашу первую встрѣчу. Я также говорила тебѣ о томъ, что этотъ человѣкъ преслѣдуетъ меня своимъ навязчивымъ вниманіемъ. Сначала я думала, что это вниманіе вызвано интересомъ художника къ моей красотѣ; сегодня я поняла свою ошибку; однимъ словомъ, онъ имѣетъ намѣреніе жениться на мнѣ. Не будь онъ такимъ опаснымъ человѣкомъ, я бы смѣялась надъ нимъ; но у него дьявольская способность угадывать тайны: ему, кажется, извѣстна наша тайна! Этотъ человѣкъ съ перваго извѣстно, это именно и внушило мнѣ мысль, что онъ имѣлъ особенную причину покинуть отечество. Имѣя много связей, ты можешь узнать все о капитанѣ и сообщишь мнѣ...»

Прочитавъ это письмо, написанное Мартою, направимся къ дому лорда Кастертона.

Огонь, свѣтившій изъ оконъ, доказывалъ, что не всѣ еще въ домѣ улеглись спать. Заглянемъ въ комнату Армиды и увидимъ, что и она занята письмомъ.

«Любезный Карлъ, писала она, — право, злая судьба преслѣдуетъ тебя, ни одно изъ твоихъ предпріятій не удается. Всѣми силами старалась я дѣйствовать, какъ твоя вѣрная союзница, не думая о себѣ и о страданіяхъ, причиненныхъ мнѣ тою, удаляясь отъ Эльвиры, но ты слишкомъ рано порадовался, что избавился въ немъ отъ соперника. Сэръ Сидней по прежнему любитъ жену своего лучшаго друга; опаснѣе всего, что онъ любимъ взаимно. Вотъ причина, по которой она отвѣчала тебѣ холодностью и презрѣніемъ; сердце ея, прикованное къ Лембурну, сопротивлялось твоимъ угрозамъ. Строгая честность его не подвергалась искушенію, пока мнѣ удавалось держать его въ увѣренности, что ты любимъ Эльвирою съ самаго дѣтства. Но Марта разъяснила ему, что Эльвира любитъ его. Онъ, повидимому, не повѣрилъ ей, объясняя все, какъ онъ выразился, игрою воображенія Марты, но сильно перемѣнился въ лицѣ. Слова Марты такъ подѣй-

ствовали на него, что онъ тотчасъ же подошелъ къ Эльвирѣ и вступилъ съ нею въ разговоръ. Весь остальной вечеръ, какъ ты самъ замѣтилъ, онъ не отходилъ отъ нея. Разводъ, о которомъ мы такъ хлопотали, теперь можетъ быть и состоится, но ни тебѣ, ни мнѣ не будетъ отъ него пользы; весь выигрышъ останется на сторонѣ Марты, Эльвиры и сэра Сиднея... Я увѣрена, что лордъ рѣшится разорвать связывающія ихъ оковы, какъ только замѣтитъ любовь Эльвиры къ Лембурну; послѣдствіями этого будутъ браки: Сиднея съ Эльвирою и Марты съ лордомъ. Ты потеряешь золото Эльвиры, какъ потерялъ уже состояніе Марты; я же потеряю возможность устроить себѣ въ будущемъ независимую, беззаботную жизнь. Старайся всѣми силами, Карлъ, воспользоваться моими сообщеніями; я съ своей стороны буду по прежнему разлучать мужа съ женою. Я и за-

и удивленная его приходомъ, живо вскочила, незамѣтно уронивъ письмо.

— Не безпокойтесь, Эльвира, сказалъ Эдвинъ дружественнымъ тономъ, — я пришелъ освѣдомиться о вашемъ здоровьѣ; вашъ видъ безпокоитъ меня. Не слишкомъ-ли вы напрягали свои силы, исполняя мое желаніе на счетъ выѣздовъ. Право, я не прощу себѣ вашей болѣзни.

— Ахъ, милордъ, отвѣчала взволнованная Эльвира,—вы ни въ чемъ не виноваты, я блѣдна оттого, что грущу, оттого...

— Оттого, что несчастливы, подсказалъ Эдвинъ, выпуская ея руку, лице его приняло обыкновенное, холодное выраженіе.

— Да, я очень несчастлива, прошептала Эльвира, съ трудомъ одолѣвая волненіе,—но черезъ себя. Тяжело оплакивать свои ошибки и...

Эльвира замолчала, испугавшись, не сказала-ли

Рука Эльвиры задрожала въ его рукѣ.

— Благодарю, Эдвинъ, прошептала она чуть слышно.

Нагибаясь за лежащимъ на коврѣ письмомъ, Эдвинъ выпустилъ ея руку; лице его помрачилось, когда онъ узналъ почеркъ.

— Это письмо, вѣроятно, принадлежитъ вамъ, сказалъ онъ. — Освѣдомясь о вашемъ здоровьѣ, я не желаю болѣе безпокоить васъ; вы, какъ я вижу, были заняты чтеніемъ; жестоко было бы съ моей стороны мѣшать вамъ. Поѣдете вы сегодня въ итальянскую оперу? спросилъ онъ сильно покраснѣвшую Эльвиру.

— Это вполнѣ зависитъ отъ васъ, отвѣчала она,—если пожелаете, я непремѣнно поѣду.

— Я желаю, чтобы вы не обращали на меня вниманія; вы и безъ того многимъ пожертвовали моимъ требованіямъ.

ВИДЫ ЧЕРНОГОРІИ.



Видъ на Антивари изъ Залева, съ южн. стороны.

Съ наброска Полковника **А. Боголюбова.**



была сообщить тебѣ, что въ разговорѣ съ Мартою сэръ Сидней назвалъ тебя дуракомъ. Отплати ему за это, если можешь, и не забывай неизмѣнной подруги твоей юности

Армиды».

XIX.

Эльвира лежала на маленькомъ диванѣ въ своемъ кабинетѣ; она была блѣднѣе вчерашняго. Лице ея, безъ обманчивой, улыбающейся маски, произвело бы на всякаго тяжелое впечатлѣніе своимъ грустнымъ выраженіемъ. Она держала въ рукѣ только-что прочитанное, судя по виду, довольно старое письмо; на опущенныхъ рѣсницахъ виднѣлись слезы, дрожаніе нижней губы доказывало, что чтеніе письма взволновало ее. Въ такомъ положеніи засталъ ее лордъ Кастертонъ. Онъ въ первый разъ входилъ въ ея отдѣленіе, не смотря на то, что они жили уже нѣсколько мѣсяцевъ въ одномъ этажѣ. Эльвира, испуганная

чего непріятнаго Кастертону. Собравшись съ духомъ, она открыла бы ему свою душу, скажи онъ ей одно ободряющее слово. Она чувствовала непреодолимое стремленіе открыть кому-нибудь свое горе, но серьезное, строгое лицо Кастертона, безъ малѣйшей тѣни доброты и участія, останавливало ее. Зачѣмъ выпустилъ онъ ея руку, когда это ободряло ее, зачѣмъ пересталъ онъ ласково смотрѣть на нее.

— Я хотѣлъ предложить вамъ провести лѣто въ Тимасіо, сказалъ онъ,—родной воздухъ, вѣроятно, принесетъ вамъ пользу. Что скажете вы на это?

— Не могу выразить, какъ ваше предложеніе радуетъ меня! Не знаю, какъ мнѣ благодарить васъ, милордъ, сказала Эльвира, протягивая ему руку.

— Меня радуетъ ваше удовольствіе, сказалъ Эдвинъ, пожимая ея руку, — но, пожалуйста, не называйте меня милордомъ.

Эльвира пристально посмотрѣла на него.

— Я поѣду, сказала она.

— Въ такомъ случаѣ вы потрудитесь взять съ собою м-съ Бровъ или миссъ Армиду; я не могу сопутствовать вамъ, сказалъ онъ, уходя.

Эльвира съ удовольствіемъ позвала бы его, но не смѣла; она въ одно время была недовольна и обрадована заботою о ея здоровьѣ и предложеніемъ провести лѣто въ Швеціи; онъ все-таки чувствовалъ къ ней расположеніе, вѣдь просилъ же онъ не называть его болѣе «милордомъ». Не смотря на радость, она испытывала необъяснимый страхъ и была очень недовольна собою за то, что не рѣшалась открыть ему свое сердце, казалось, невидимая сила удерживала ее каждый разъ.

Передъ обѣдомъ Эльвира поѣхала кататься съ Армидою; передавая городскія новости, Армида сообщила между прочимъ:

— Говорятъ, Марта собирается провести лѣто въ Швеціи; по ея словамъ, ей нездоровъ воздухъ Англіи.

Слова эти грустно подѣйствовали на Эльвиру, объясняя цѣль предложеннаго путешествія въ Швецію и неожиданную заботу объ ея здоровьѣ.. А она такъ растрогалась, повѣривъ правдивости мужа, что готова была броситься ему на шею и открыть свое сердце.

— Замѣтила ты, какъ настойчиво капитанъ Штромъ ухаживаетъ за Мартою, такъ же, какъ сэръ Сидней, продолжала Армида.—Она, кажется, мало ими интересуется и обходится съ ними равнодушно и капризно; все это легко объясняется ея любовью къ третьему лицу.

Замолчавъ, Армида пристально посмотрѣла на сильно поблѣднѣвшую Эльвиру.

— Капитанъ Штромъ очень даровитый человѣкъ, какъ мнѣ кажется, сказала Эльвира.

— Да, говорятъ, онъ имѣетъ большой талантъ, какъ художникъ, впрочемъ, мнѣ привелось слышать отъ кого-то, что слава его не соотвѣтству етъ его таланту.

— Этотъ кто-то, вѣроятно, завидуетъ ему, замѣтила Эльвира.

— Если человѣкъ, высказавшій свое мнѣніе, и завидуетъ капитану, то, конечно, не какъ художнику, улыбаясь, отвѣчала Армида. — Твой мужъ не хочетъ признать таланта Штрома.

— Кастертонъ не былъ на выставкѣ и не видалъ послѣдней картины капитана, сказала Эльвира.

— Весьма вѣроятно.

Армида замолчала, но вскорѣ снова заговорила:

— Недоступная Марта предоставила вчера вечеромъ большое преимущество капитану, проведя съ нимъ долгое время наединѣ въ залѣ во время пѣнія.

— Я не обратила вниманія.

— Споръ о художественномъ талантѣ Штрома возникъ послѣ этого разговора. Посмотри, вонъ ѣдутъ сэръ Сидней и лордъ Д.; надо сознаться, Лембурнъ очень статенъ на лошади.

Сидней съ лордомъ Д. подъѣхали къ экипажу, освѣдомляясь о здоровьѣ леди Кастертонъ и о томъ, поѣдетъ-ли она сегодня въ театръ; выслушавъ отвѣты Эльвиры, они продолжали ѣхать по обѣимъ сторонамъ экипажа, болтая о разныхъ новостяхъ.

Карлъ Брогренъ, ѣхавшій верхомъ съ шведскимъ секретаремъ посольства, поклонился Эльвирѣ, бросивъ на нее свирѣпый взглядъ. Англичане не допускали его заговорить съ нею, а онъ выѣхалъ съ твердымъ намѣреніемъ заставить ее перемѣнить съ нимъ обращеніе. Онъ рѣшился, по полученіи письма Армиды, или заставить Эльвиру подчиниться его волѣ съ цѣлью компрометировать лорда, или привести въ дѣйствіе угрозы; ему хотѣлось какимъ бы то ни было способомъ разорвать цѣпь, отдѣлявшую его отъ Эльвиры. Увидя ненавистнаго Сиднея около Эльвиры, онъ пришелъ въ бѣшенство.

«Мы должны столкнуться съ этимъ англичаниномъ, думалъ Карлъ,—тогда ему придется отвѣтить какъ за названіе «дурака», такъ и за гордое обращеніе, раздражавшее меня весь сезонъ. Я поклялся, что ему не удастся воспользоваться тѣмъ, въ чемъ Эльвира отказываетъ мнѣ».

(Продолженіе будетъ.)

Къ рисункамъ.

Крестьянскія дѣти. Небольшая картина профессора Чистякова, копію съ которой наши читатели найдутъ въ настоящемъ нумерѣ, составляетъ собственность самого художника. Это прелестно написанный этюдъ: эти бѣдныя крестьянскія дѣти, побирающіяся подаяніемъ, схвачены вполнѣ вѣрно съ натуры. Смотря на нихъ, невольно припоминаешь, что гдѣ-то встрѣчалъ ихъ именно въ этихъ смиренныхъ позахъ, съ этими робкими взглядами, оборванныхъ, одѣтыхъ, быть можетъ, въ чужое платье, стоящихъ на порогѣ въ чужой избѣ. Наша гравюра вполнѣ вѣрно передаетъ всѣ детали этой картины, едва-ли извѣстной публикѣ.

Лѣтняя сценка. Картина Бейля принадлежитъ къ числу превосходно сработанныхъ новѣйшихъ картинъ французской школы. Этотъ кусочекъ заглохшаго и заросшаго пруда, эти роскошныя деревья, эти кокетливыя женщины, изъ которыхъ двѣ разсматриваютъ свои башмачки, все это отдѣлано до мельчайшихъ подробностей, изящно, тонко и вѣрно.

Христофоръ. Христофоръ переносилъ черезъ воду ребенка Христа; онъ носилъ въ бродъ и взрослыхъ, но никогда ему не было такъ тяжело, какъ при переносѣ этого ребенка. Христофоръ замѣтилъ, что ему кажется, что онъ несетъ цѣлый міръ. Тогда онъ услыхалъ, что онъ несетъ не міръ, а «Спасителя міра». Вотъ легенда, вдохновившая скульптора, копію со статуи котораго мы помѣщаемъ нынче. Это одно изъ послѣднихъ скульптурныхъ произведеній, появившихся въ «Салонѣ» нынѣшняго года. Особенно удачно вышла фигура самого Христофора. Нельзя того же сказать о Младенцѣ-Христѣ: художникъ хотѣлъ изобразить его легонькимъ, худенькимъ малюткой и это вышло не вполнѣ красиво: поза малютки не вполнѣ естественна.

Вальсъ поручика Пирогова съ женою Шиллера. Читатели, конечно, знаютъ «Невскій проспектъ» Гоголя. Рисунокъ Кеппена передаетъ ту смѣшную сцену, когда поручикъ Пироговъ сталъ танцовать съ бѣлокурой женой Шиллера, какъ вдругъ дверь отворилась и вошелъ Шиллеръ съ Гофманомъ и столяромъ Кунцомъ. «Всѣ эти достойные ремесленники были пьяны, какъ сапожники. Но я предоставляю самимъ читателямъ судить о гнѣвѣ и негодованіи Шиллера. «Грубіанъ! закричалъ онъ въ величайшемъ негодованіи; какъ ты смѣешь цѣловать мою жену! Ты подлецъ, а не русскій офицеръ. Чортъ побери, мой другъ Гофманъ, я нѣмецъ, а не русская свинья (Гофманъ отвѣчалъ утвердительно). О я не хочу имѣть роги! бери его, мой другъ Гофманъ, за воротникъ, я не хочу», продолжалъ онъ, сильно размахивая руками, при чемъ его лицо было похоже на красное сукно его жилета... И нѣмцы схватили за руки и ноги Пирогова. Напрасно силился онъ отбиваться; эти три ремесленника были самый дюжій народъ изъ всѣхъ петербургскихъ нѣмцевъ и поступили съ нимъ такъ грубо и невѣжливо, что, признаюсь, я никакъ не нахожу словъ къ изображенію этого печальнаго событія?» Такъ закончилась сцена этого злополучнаго вальса поручика Пирогова съ женою Шиллера.

Кромѣ этихъ рисунковъ въ настоящемъ нумерѣ находится видъ Антивари, снятый съ акварели полковника Боголюбова и являющійся, какъ бы объяснительнымъ планомъ къ статьямъ д-ра Щербака.

Смѣсь.

— По поводу предстоящаго юбилея первой гимназіи (Зам. Н. Н. Вакуловскаго). Петербургская первая гимназія предполагаетъ праздновать въ мартѣ будущаго года пятидесятилѣтіе своего существованія. По этому случаю составляется исторія гимназіи. Какъ бывшій воспитанникъ ея, пользуюсь случаемъ высказать нижеслѣдующія мысли. Во-первыхъ, желательно учрежденіе при гимназіи общества вспоможенія нуждающимся воспитанникамъ. Невольно припоминается, что многіе не кончили курса только вслѣдствіе недостатка средствъ къ существованію. Юбилей же самый удобный моментъ для сборовъ пожертвованій на этотъ предметъ. Никто не откажется внести посильную лепту; но, кромѣ того, можно обратить на этотъ предметъ и сборъ отъ продажи историческаго очерка гимназіи. Въ очеркѣ я бы предложилъ прослѣдить, между прочимъ, слѣдующее. По моему важно не то, какой чинъ имѣютъ бывшіе воспитанники гимназіи или какой постъ они занимаютъ, а то, много-ли воспитала гимназія людей съ оригинальною мыслью,—людей, дѣйствовавшихъ и дѣйствующихъ на поприщѣ науки, литературы, искуствъ. Особенно любопытно прослѣдить карьеру лицъ, окончившихъ гимназію съ медалями. Не даромъ замѣчено, что медалями удостоиваютъ болѣе за прилежаніе, а не за дѣйствительныя способности и прилежаніе, и что многіе изъ удостоенныхъ въ гимназіяхъ медалей идутъ скверно въ высшихъ учебныхъ заведеніяхъ, а затѣмъ имена ихъ забываются и вовсе. Не мѣшало бы присоединить также списки вообще бывшихъ въ гимназіи, такъ какъ есть лица, не окончившія въ ней курса, а затѣмъ блистательно работавшія въ другихъ учебныхъ заведеніяхъ и прославившія свое имя.

— Политехническій институтъ. «Голосу» сообщаютъ, что въ непродолжительномъ времени въ Варшавѣ будетъ открытъ политехническій институтъ, устраиваемый на частныя средства. Извѣстный своею благотворительностью, мѣстный банкиръ, предсѣдатель правленій обществъ югозападныхъ желѣзныхъ дорогъ и фабричнолодзинской желѣзной дороги, И. Г. Блiохъ, составивъ проектъ института и вошелъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи ему открыть этотъ институтъ, принимая на себя всѣ расходы по устройству и содержанію его. Проектъ устава института представленъ на усмотрѣніе и утвержденіе высшихъ властей.

— Электрическій маякъ. Газетѣ «Донская Пчела» пишутъ изъ Таганрога, что съ весны будущаго года на мѣстномъ рейдѣ будетъ устроенъ электрическій маякъ, а на пристани поставленъ элеваторъ. Расходы на пріобрѣтеніе зерноподъемной машины приняло на себя мѣстное купечество.

— Необезпеченность служащихъ на нашихъ желѣзныхъ дорогахъ. Заимствуемъ изъ «Голоса» слѣдующую замѣтку: «Въ сентябрьской книжкѣ «Журнала министерства путей сообщенія» напечатана статистическая таблица о числѣ служащихъ при желѣзныхъ дорогахъ и объ окладахъ получаемаго ими содержанія, какъ матерьялъ для разрабатываемаго устава общей желѣзнодорожной пенсіонной кассы. Обезпеченіе служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ и ихъ семействъ— дѣло первѣйшей важности; общественное мнѣніе давно уже высказалось за скорѣйшее устройство пенсіоннаго желѣзнодорожнаго дѣла, такъ какъ прочное положеніе служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ, а потомъ привязанность ихъ къ своей службѣ прежде всего, отразятся на безопасности движенія. Всѣхъ служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ въ означенной таблицѣ значится 121,590 (неизвѣстно въ какомъ году). Громадное число это раздѣляется по родамъ службы слѣдующимъ образомъ:

а) Техниковъ подвижного состава, дорожныхъ и прочихъ мастеровъ......	4,011
б) Поѣздной прислуги и стрѣлочниковъ.	30,768
в) Служащихъ на линіяхъ желѣзныхъ дорогъ..........	78,314
г) Центральныя правленія и общія правленія..........	8,497
Всего...	121,590

Общая сумма получаемаго содержанія всѣми этими служащими достигаетъ 34,433,000 р., что составитъ по 283 рубля на средняго служащаго въ годъ, или 23 р. 58 к. въ мѣсяцъ. Центральныя правленія и общія управленія (г) стоятъ желѣзнымъ дорогамъ 8,511,244 руб. или, среднимъ числомъ, на одного служащаго приходится 1,002 руб.; служащіе на линіяхъ желѣзныхъ дорогъ (в) стоятъ 15,806,622 руб. и на одного служащаго приходится 201 руб.; техники подвижного состава, дорожные и прочіе мастера (а) стоятъ 2,563,055 руб., на одного служащаго

приходится 638 руб. и, наконецъ, на поѣздную прислугу и стрѣлочниковъ (б) затрачивается 7,552,273 руб., т. е. на одного человѣка 245 р. Оклады эти при нынѣшнихъ условіяхъ жизни вообще слѣдуетъ признать очень малыми; на нихъ впору прожить только одинокому человѣку; что же остается дѣлать людямъ семейнымъ? Разумѣется бѣдствовать. При такихъ окладахъ обезпеченіе участи служащихъ на старость и семействъ на случай ихъ смерти тѣмъ болѣе становится дѣломъ важнымъ и неотложнымъ. Возьмемъ для примѣра слѣдующія данныя: въ центральныхъ правленіяхъ и общихъ управленіяхъ, находящихся обыкновенно въ большихъ городахъ (большая часть помѣщается въ Петербургѣ), служатъ 1,193 человѣка, получающихъ содержанія отъ 120 руб. до 300 руб. въ годъ; всѣ они вмѣстѣ получаютъ 225,126 р., что составляетъ, среднимъ числомъ, на одного въ годъ 189 р., или въ мѣсяцъ 15 р.; это, разумѣется, сторожа; но пойдемъ дальше: въ тѣхъ же правленіяхъ и управленіяхъ служатъ агенты, получающіе отъ 300 до 600 р. въ годъ, такихъ служащихъ 2,404, а общая сумма ихъ содержанія 1,041,332 руб., что составитъ, среднимъ числомъ, на одного 433 руб. въ годъ, или 36 руб. въ мѣсяцъ. Изъ этого содержанія даже и одинокому, навѣрное, ничего не останется на черный день. Мы взяли на выдержку нѣсколько цифръ, по есть категоріи служащихъ, еще менѣе обезпеченныхъ.

— Опера Рубинштейна „Неронъ“, поставленная въ Гамбургѣ, имѣла большой успѣхъ. Дирижировалъ самъ авторъ, котораго вызывали 14 разъ. По своей блестящей обстановкѣ и по богатству мелодій, произведеніе это превосходитъ оперу «Маккавеи» и безспорно должно считаться лучшимъ твореніемъ знаменитаго маэстро.

— Извѣстной картинѣ Madonna del Sacca, во Флоренціи, грозитъ полнѣйшее разрушеніе. Въ газетѣ «l'Art» пишутъ, что водопроводная труба, проведенная въ стѣнѣ, на которой написано знаменитое произведеніе Андреа-дель-Сарто, попортилась, вслѣдствіе чего сырость совершенно уничтожила голову св. Іосифа и лика св. Дѣвы тоже почти не видать.

— Подземная желѣзная дорога черезъ Парижъ будетъ начинаться у Тріумфальной арки и оканчиваться въ Нельи. Двигателемъ на этой дорогѣ, протяженіе которой достигнетъ 1660 метровъ, будетъ служить не паръ, а воздухъ.

— Успѣхи электрическаго освѣщенія. Въ Калькутѣ король бирманскій истратилъ болѣе 20,000 фр. на пріобрѣтеніе машинъ и снарядовъ Симонса и Яблочкова. Полагаютъ, что освѣщеніе королевскаго дворца и садовъ обойдется въ 250,000 фр. Электрическое освѣщеніе большой оперы въ Парижѣ предполагается усовершенствовать посредствомъ новаго апарата Видермана, имѣвшаго такой огромный успѣхъ въ Англіи. Изъ 8 люстръ въ большомъ фойе въ 4-хъ будутъ горѣть свѣчи Яблочкова, а къ 4-мъ другимъ будутъ приспособлены апараты Видермана. Этимъ способомъ надѣются отстранить два неудобства; во первыхъ, неудовлетворительное освѣщеніе прелестной живописи Бодри, а во вторыхъ—порчу этой самой живописи отъ испареній, исходящихъ отъ газа. Въ британскомъ музеѣ въ Лондонѣ производятся опыты электрическаго освѣщенія; если они удадутся, библіотека британскаго музея будетъ открыта публикѣ по вечерамъ.

— Викторъ-Эмануилъ и министръ двора графъ Визоне. Когда покойный итальянскій король нуждался въ деньгахъ, онъ никогда не рѣшался прямо обращаться къ министру двора съ просьбой прислать ему требуемую сумму, а прибѣгалъ для этого ко всевозможнымъ хитростямъ, такъ напримѣръ, онъ однажды нѣсколько дней сряду присылалъ графу фазановъ, застрѣленныхъ имъ самимъ, спачала одного, потомъ двухъ, четырехъ и наконецъ цѣлыхъ восемь штукъ заразъ, въ полной увѣренности, что министръ догадается предложить ему необходимыя деньги. Но все было напрасно, графъ Визоне притворялся, что не понимаетъ намековъ своего государя и только по полученіи записки, въ которой король просилъ его прислать ему денегъ, онъ, наконецъ, исполнилъ его желаніе, да и то только на половину: ссылаясь на бѣдность государственной казны, расчетливый министръ выслалъ королю вмѣсто 30,000 фр. только 15,000.

Про того же короля итальянцевъ разсказываютъ, что однажды, сидя въ одной изъ боковыхъ ложъ въ театрѣ, онъ замѣтилъ на матовомъ стеклѣ, выходящемъ въ коридоръ, тѣнь генерала Галетти. Король поспѣшно вынулъ карандашъ и начертилъ на этомъ стеклѣ профиль вышеупомянутаго генерала въ карикатурномъ видѣ. Когда, послѣ антракта, онъ снова входилъ въ ложу, то увидѣлъ, что капельдинеръ старательно стираетъ тряпкой набросанный имъ рисунокъ.

— Что ты дѣлаешь? спросилъ король.

— Ваше величество, отвѣчалъ капельдинеръ,— какой-то озорникъ осмѣлился нарисовать на этомъ стеклѣ урода и я смываю этотъ рисунокъ.

— Не трогай, ласково замѣтилъ ему король,— этотъ озорникъ—я самъ.

Шахматный отдѣлъ.

Уставъ вновь организующагося Спб. общества любителей шахм. игры утвержденъ г. товарищемъ Министра Внутреннихъ дѣлъ 31 октября сего года. Подробныя свѣдѣнія объ этомъ обществѣ не замедлимъ сообщить, какъ только послѣдуетъ извѣщеніе отъ учредителей его.

Во многихъ городахъ Германіи съ давнихъ поръ существуютъ общества любителей шахм. игры. Нѣсколько такихъ обществъ въ извѣстномъ раіонѣ мѣстности составляютъ союзы. Такъ существуютъ сѣверо-германскій, средне-германскій и южно-германскій шахм. союзы. Два года тому назадъ, на происходившемъ въ Лейпцигѣ шахматномъ праздинествѣ, устроенномъ въ честь знаменитаго бреславльскаго шахм. игрока А. Андерсена (умершаго въ мартѣ настоящаго года) по случаю 50 лѣтняго юбилея его, была высказана мысль о соединеніи трехъ названныхъ союзовъ въ одинъ, подъ именемъ общегерманскаго шахм. союза. Какъ видите, читатель, шахм. общества въ Германіи процвѣтаютъ.—Въ программу общегерманскаго союза входитъ, между прочимъ, устройство съѣздовъ (конгресовъ) представителей разныхъ обществъ для обсужденія общихъ дѣлъ; на этихъ съѣздахъ устраиваются турниры, объявляются конкурсы шахм. задачъ и проч. шахм. состязанія. Первый конгресъ общегерманскаго шахм. союза былъ въ Лейпцигѣ съ 7 по 20 іюля текущаго года. Въ главномъ турнирѣ, устроенномъ для игроковъ первой силы, принимало участіе 12 представителей разныхъ обществъ; каждый съ каждымъ игралъ одну партію. Первый призъ, 600 марокъ, взялъ г. Энглишъ изъ Вѣны, выигравшій $9\frac{1}{2}$ партій (ничьи считались за $\frac{1}{2}$ партіи); второй 300 марокъ—извѣстный Л. Паульсенъ изъ Детмольда (9 партій); третій, 150 мар.—г. Шварцъ изъ Вѣны (7 парт.); четвертый, 100 мар.—г. Биръ изъ Гамбурга ($6\frac{1}{2}$ парт.). Второй конгресъ назначенъ въ будущемъ году въ Берлинѣ.

Помѣщаемая ниже партія играна между участниками главнаго турнира, г. Риманомъ изъ Лейпцига и г. Питчелемъ изъ Алтенбурга.

ПАРТІЯ № 2.

Дебютъ двухъ коней.

Играна 14 іюля 1879 г.

	Риманъ. *Бѣлые*	**Питчель.** *Черные*
1.	e2—e4	e7—e5
2.	К g1—f3	К b8—c6
3.	C f1—c4	К g8—f6 *a*
4.	К f3—g5 *b*	d7—d5 *c*
5.	e4 : d5	К c6—a5 *d*
6.	С c4—b5 †	c7—c6
7.	d5 : c6	b7 : c6
8.	С b5—e2 *e*	h7—h6
9.	К g5—f3	e5—e4
10.	К f3—e5	Ф d8—d4 *f*
11.	f2—f4	С f8—c5
12.	Л h1—f1	Ф d4—d6 *g*
13.	c2—c3	К a5—b7
14	b2—b4	С c5—b6
15.	К b1—a3	С c8—e6 *h*
16.	К e5 : c6	0—0 *i*
17.	К c6—e5	Л a8—c8
18.	К a3—c4	С e6 : c4
19.	К e5 : c4	Ф d6—e6
20.	К c4 : b6	Ф e6 : b6
21.	Ф d1—b3	Л f8—d8
22.	c3—c4	Ф b6—e6
23.	С c1—b2	Л d8—d3 *k*
24.	С e2 : d3	e4 : d3 †
25.	Кр e1—f2	Ф e6—b6 † *l*
26.	c4—c5	К b7 : c5!
27.	b4 : c5	Ф b6 : c5 †
28.	Кр f2—f3 *m*	Ф c5—h5 †
29.	Кр f3—f2 *n*	К f6—g4 †
30.	Кр f2—g3 *o*	Ф h5 : h2 †
31.	Кр g3—f3 *p*	Ф h2—h5
32.	Л f1—h1	К g4—e5††
33.	Кр f3—g3	Ф h4—g4†
34.	Кр g3—h2 *q*	Ф g4 : f4 †
35.	Кр h2—h3	g7—g5

Бѣлые сдали партію *r*)

Примѣчанія къ партіи.

a) По этому началу и придано названіе дебюту.

b) Этотъ ходъ вынуждаетъ черныхъ жертвовать пѣшкой, но чрезъ это они получаютъ атаку. Бѣлые могли избрать другое продолженіе: 4. d2—d4, e5 : d4; 5. 0—0!, К f6 : e4; 6. Л f1—e1, d7—d5!; 7. С c4 : d5, Ф d8 : d5; 8. К b1—c3, Ф d5—h5; 9. К c3 : e4 и бѣлые могутъ взять пѣшку d4, уровнявъ игру.

c) Лучшій ходъ; если 4. ... К c6—e5, то бѣлые, отступивъ Сл. на b3, въ слѣдующій ходъ нападутъ на коня, сыгравъ d2—d4.

d) Тоже лучшій ходъ; не хорошо для черныхъ брать пѣшку d5 конемъ, тогда бѣлые пожертвовавъ коня за п. f7, получаютъ очень сильную атаку и нѣсколько пѣшекъ за фигуру; напр. 5. ... К f6 : d5; 6. К g5 : f7, Кр e8 : f7; 7. Ф d1—f3 †, Кр f7—e6; 8. К b1—c3, К c6—e7; 9. d2—d4, c7—c6; 10. С c1—g5, Ф d8—d6; 11. 0—0—0 и бѣлые должны выиграть, еще пѣшку, имѣя сильную атаку на не защищеннаго короля противника.

e) Если 8. С b5—a4, то h7—h6, 9. К g5—f3, e5—e4; 10. К f3—e5, Ф d8—d4; 11. С a4 : c6 † (11. К e5 : c6, Ф d4 : a4), К a5 : c6; 12. К e5 : c6, Ф d4—c5 и черные выигрываютъ коня.

f) Здѣсь очень часто играютъ 10 ... Ф d8—c7; бѣлые защищаютъ тогда коня пѣшкой 11. f2—f4, С f8—d6, 12. d2—d4 и т. д.

g) Необходимо; бѣлые угрожали выиграть фигуру послѣ c2—c3 и b2—b4.

h) Лучше было рокировать.

i) Если черные берутъ коня, то проигрываютъ ферзя (С e2—b5).

k) Черные рискуютъ; атака ихъ не вѣрна; бѣлые могли, какъ будетъ показано, остаться въ концѣ концевъ съ ладьей противъ коня.

l) Лучшее продолженіе атаки; если бы черные играли 25. ... К f6—e4 †, то 26. Кр f2—g1, К e4 : d2; 27. Ф b3—c3 и выигрываютъ коня.

m) Вотъ ошибка. Тоже не хорошо 28. Кр f2—g3, К f6—e4 †; 29. Кр g3—g4, h6—h5 †; 30. Кр g4—h3, Ф c5—f5 † и въ слѣд. ходъ матъ. Слѣдовало же бѣлымъ играть 28. Кр f2—e1!, а чернымъ Ф c5—h5! (если Ф c5—e7 †, то 29. С b2—e5; а если Л c8—e8 †, то 29. Кр e1—d1!); 29. Ф b3 : d3, Л c8—e8 †; 30. С b2—e5, Л e8 : e5 †!; 31. f4 : e5 Ф h5 : e5 †; 32. Ф d3—e3! (если 32. Кр e1—f2, то К f6—g4 †; 33. Кр f2—f3, К g4 : h2 † и дѣлаютъ вѣчный шахъ), Ф e5 : a1 †; 33. Кр e1—e2, Ф a1 : a2; вотъ лучшій результатъ, который черные получаютъ отъ атаки съ пожертвованіемъ качества, т. е. ладьи за коня.

n) Если 29. Кр f3—e3; то бѣлымъ матъ въ 2 хода.

o) Было тоже не хорошо 30. Кр f2—e1, Л c8—e8 †; 30. Кр e1—d1! (если 30. С b2—e5, то Л e8 : e5 †!; 32. f4 : e5, Ф h5 : e5 † и 33. Ф e5 : a1 †), К g4—e3 ††; 31. Кр d1—c1, Л e8—c8 †! и затѣмъ, какъ бы бѣлые не играли, черн. берутъ ладью конемъ, получая сильную игру, съ равнымъ числомъ фигуръ.

p) Если бѣлые берутъ коня, то Ф h2 : g2 †; 32. Кр g4—f5, Л c8—c5 †; 32. С b2—e5; Ф g2—g6 †. Если же на 32 ходѣ идутъ Кр. g4—h4, то Л c8—c5 и выигрываютъ; черные угрожаютъ 33. ... Л c5=h5 †,; 34. Кр h4 : h5, Ф g2—h3 X; а также и ходомъ 33. ... g7—g5 †; защититься бѣлые не могутъ; если 33. С b2—e5, то Л c5 : e5; а если 33. f4—f5, то g7—g5 †; 34. f5 : g6 (берутъ на проходѣ), Л c5—h5 † и матъ къ слѣдующій ходъ.

q) Если 34. Кр g3—f2, то Ф g4 : f4†; 35. Кр f2—g1, К e5—f3 †; 36. g2 : f3, Ф f4—g3 †; 37. Кр g1—f1, Ф g3 : f3 †; 38. Кр f1—g1, Л c8—c6 и выигрываютъ послѣ Л c6—g6 †.

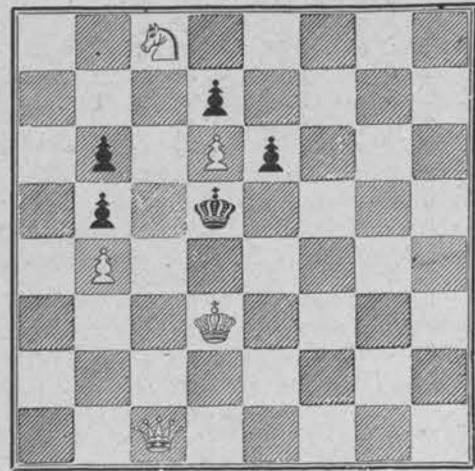
r) На 36. g2—g3 послѣдовало бы Ф f4—g4 †; 37. Кр h3—g2, Ф g4—e2 †; 38. Кр g2—h3, g5—g4 †; 39. Кр h3—h4, К e5—g6 †; 40. Кр h4—h5, Л c8—c5 †; 41. Кр h5:—h6. Ф e2 : d2 †.

Партія эта замѣчательна по красотѣ многочисленныхъ и сложныхъ варіантовъ.

ЗАДАЧА № 3.

Ф. Клетта (въ Штутгартѣ).

Черные.



Бѣлые.

Матъ въ 2 хода.

ОТВѢТЫ.

К. Сердешневу (Спб.). Ведущій шахм. отд. согласно желанію вашему, заявляетъ, что и въ будущемъ, году онъ будетъ завѣдывать имъ. Партіи будутъ помѣщаться черезъ №; задачи же въ каждомъ нумерѣ. Выраженныя въ письмѣ ваши желанія вполнѣ согласуются съ нашими цѣлями: давать партіи съ пояснительными примѣчаніями и задачи, доступныя для большинства любителей шахматъ.

А. St. Обратите вниманіе на заданіе. Рѣшать задачу въ 3 хода, когда она предложена къ разрѣшенію только въ 2,—значитъ не рѣшить ея.

ОТЪ КОНТОРЫ. № 45-й «Живописнаго Обозрѣнія» сданъ на городскую почту 10-го ноября въ 6 часъ 30 минутъ утра, на иногороднуя почту 11-го ноября въ 12 час. 30 мин. пополудни.

СОДЕРЖАНІЕ.

Издатель **Н. И. Шульгинъ.**
Редакторъ **Д. А. Карчъ-Карчевскій.**

При этомъ нумерѣ «Жив. Обозрѣн.» разсылается гг. подписчикамъ приложеніе: «Парижскія Моды», Ноябрь.

Дозволено цензурою. С-Петербургъ, 16 Ноября 1879 года. Типографія Императорской Академіи Наукъ. (Вас. Остр., 9 лин., д. 12.)